Погребняк Станислав Петрович

доктор юридических наук,
профессор кафедры теории государства и права
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Уварова Елена Александровна

кандидат юридических наук,
ассистент кафедры теории государства и права
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Сопротивление угнетению. Восстание. Революция (теоретико-правовой анализ в свете доктрины прав человека)

Право на восстание (или на сопротивление угнетению, или на революцию), как признают западные исследователи, в последние десятилетия оказалось вне сферы их активных научных интересов. Этому есть объяснение.

Во-первых, западные страны, чье доминирование в развитии юридической науки не вызывает возражений, вот уже достаточно долгое время не переживали революций. В связи с этим интерес к ним, не с точки зрения истории, а с точки зрения права, не так велик. В начале XXI в. идея права на восстание практически исчезла из международного диалога по правам человека[1]. Сегодня право на восстание не включено в большинство программ по изучению права прав человека; сложно также найти актуальные исследования по данному вопросу. Более того, нет даже устоявшейся (признанной) дефиниции этого права.

Несмотря на выдающуюся родословную права на восстание, его слабые позиции в современном международном праве поставили вопрос о том, не является ли это право, некогда характеризуемое выдающимися юристами как высшее право человека[2], важная международная заповедь[3], забытым по той причине, что оно давно устарело?

Полагаем, что это не так. Арабская весна стала явным свидетельством того, что революции происходят даже в XXI веке, и «они будут продолжаться, пока последний

[1] Murphy Shannonbrooke. The right to resist reconsidered / In The Challenge of Human Rights: Past, Present and Future. Edited by David Keane, Lecturer in Law, Middlesex University, UK and Yvonne McDermott, Lecturer in Law, Bangor University, UK. – 2012. – P. 92.
[2] Hersch Lauterpacht. International Law and Human Rights. – London: Stevens and Sons Ltd, 1950. – P. 116.
3 Jordan J. Paust. International Law, Dignity, Democracy, and the Arab Spring / Cornell International Law Journal. – 2013. – № 1. – P. 14.

© Погребняк С.П., Уварова Е.А.

тиран на Земле не исчезнет»[4]. Ведь «и поныне нет более важного вопроса, с самого начала нашей истории определявшего основное содержание политики: свобода или тирания?»[5] События, происходившие в ноябре 2013 г. – феврале 2014 г. в Украине, также требуют их переосмысления в категориях права прав человека и, в первую очередь, в свете реализации права на сопротивление угнетению.

Эти события еще раз напомнили о значимости человеческого достоинства и политического самоопределения народа, прав человека во взаимосвязи со свободным и подлинным участием в процессах управления обществом, о стандартах легитимности публичной власти, демократии как универсальной базовой ценности, а также о сопутствующем им праве на восстание[6].

Вторая причина, по которой исследователи обходят стороной вопрос о праве на восстание, – в отсутствии критериев для оправдания революционного применения силы. Ведь по общему правилу сопротивление власти, а тем более нападение на нее, является актом незаконным. В политической теории право на сопротивление, как правило, рассматривается как форма народовластия, осуществляемая народом при чрезвычайных обстоятельствах[7]. Право на восстание отличается от ненасильственного протеста, который осуществляется с целью влияния на конкретную государственную политику. В отличие от него, право на восстание говорит языком насилия. Право на революцию, в свою очередь, имеет своей целью не просто замену некой политики на более желательную, но полную смену всего режима. Иначе говоря, должен иметь место более высокий порог для злоупотребления со стороны власти, прежде чем ссылаться, что есть основания для реализации права на восстание. И это также обуславливает актуальность данного вопроса.

Кроме того, несмотря на достаточно долгое отсутствие революций, начиная со второй половины XX века, наблюдается высокая активность в реализации права на сопротивление. В свое время Дольф Штенбергер сформулировал тезис о так называемом «несвоевременном сопротивлении»: «Во времена нацистского режима был один тиран и мало сопротивления; сегодня много сопротивления и ни одного

---

[4] Aleksandar Marsavelski. The Crime of Terrorism and the Rights of Revolution in International Law // Connecticut Journal of Int'l Law. – Vol. 28. – № 241. – 2013. – P. 243-295. Отдельные авторы теперь называют преамбулу Всеобщей декларации прав человека, признающей право на сопротивление угнетению, даже пророческой: существует постоянная необходимость защищать права человека через верховенство права, и в тесной взаимосвязи с ним пребывает право на восстание против тирании и угнетения, когда соответствующие права человека попираются (Jordan J. Paust. International Law, Dignity, Democracy, and the Arab Spring / Cornell International Law Journal. – 2013. – № 1. – P. 1).

[5] Арендт Х. О революции. – М.: Европа, 2011. – С. 6.

[6] Jordan J. Paust. International Law, Dignity, Democracy, and the Arab Spring / Cornell International Law Journal. – 2013. – № 1. – P. 2.

7 Ginsburg T., Lansberg-Rodriguez D., Versteeg M. When to Overthrow Your Government: The Right to Resist in the World's Constitutions // Virginia Public Law and Legal Theory Research Paper. – 2012. – № 406. – P. 6.

тирана»[8].

По нашему мнению, существует довольно простое объяснение этому парадоксу: чем выше готовность населения отреагировать на любое отклонение со стороны действующей власти от требований верховенства права, стандартов good governance, позитивных обязательств… в форме мирного сопротивления, тем ниже вероятность того, что когда-то придется обратиться к восстанию или даже к революции. Собственно, это и стало основной мыслью А. Кауфмана в его хрестоматийной статье «Small Scale Right to Resist»[9]. Право на сопротивление – это, в первую очередь, не великие, героические подвиги (часто не достигающие желаемой цели). Это повседневная жизнь. Сопротивление в небольшом масштабе. В этом смысле сопротивление является не последним средством против уже полностью извращенного государства, а первым средством против очевидных отклонений на правильном пути. Это «мелкое» сопротивление должно быть постоянным, чтобы сделать «великое» сопротивление устаревшим[10].

Кроме того, акты гражданского сопротивления помогают сбросить психическое онемение, которое может охватить общество и которое часто облегчает принятие им зла и даже участие в нем. Они «высвобождают свободную энергию общества, позволяя гражданам осознать свою силу»[11]. Такие акты помогают сохранить моральную чистоту общества, поддержать веру в человечество. Кто-то может возразить: участие в актах сопротивления нацистскому режиму вряд ли имело бы смысл, поскольку не привело бы к свержению режима и не спасло бы погибших евреев. Безусловно, было бы нереалистично ожидать, что один акт протеста может исправить сложное социальное зло, и, тем не менее, история доказывает, что маленькие акты «мелкого сопротивления», в совокупности, могут оказывать существенное влияние на социальные установки общества и со временем привести к социальной реформе[12].

Сразу сделаем оговорку. Право на сопротивление угнетению, право на восстание и право на революцию достаточно часто используются в одном понятийном ряду. Но, очевидно, есть необходимость в их разграничении. Так, к примеру, проф. Артур Кауфман указывает на то, что право на сопротивление не оправдывает любое поведение и требует определенной пропорциональности в его реализации. В

[8] Kaufmann Arthur. Small Scale Right to Resist. – New England Law Review. – 1985-1986. – Vol. 21:3. – P. 572.
[9] Kaufmann Arthur. Small Scale Right to Resist. – New England Law Review. – 1985-1986. – Vol. 21:3. – P. 571-580.
[10] Kaufmann Arthur. Small Scale Right to Resist. – New England Law Review. – 1985-1986. – Vol. 21:3. – P. 576.
[11] Речицький В. В. Політична активність. Конституційні аспекти. – К.: Сфера, 1999. – С. 124.
[12] Matthew Lippman. Nuremberg and American Justice. Notre Dame Journal of Law, Ethics & Public Policy. Volume 5. Issue 4 Symposium on Civil Disobedience. Article 4 2012. – P. 971.

противном случае, имеет место революция[13]. В отличие от права на восстание право на сопротивление имеет своей целью восстановление конституционного порядка, а не его полное смещение. Оно не стремится заменить нормативный стандарт в определении направления будущего поведения власти, но имеет целью обеспечить его выполнение. Право на сопротивление, в чистом виде, - спор о расстановке фигур на шахматной доске, а не о коренном изменении самой игры. Это призыв вернуться к нормальной жизни[14].

Нам же близка иная точка зрения, согласно которой:

1) сопротивление угнетению может осуществляться как мирно, то есть без применения насилия, так и быть соединенным с насилием; сопротивление может быть связано как с активными действиями, так и с сознательным отказом от совершения определенных действий. Сопротивление без применения насилия следует определить как гражданское неповиновение, которое может иметь как законные (например, мирные собрания), так и незаконные формы выражения (например, отказ подчиняться законам). Типичный перечень методов ненасильственного сопротивления включает бойкоты, забастовки, демонстрации, протесты, организацию палаточных городков, захват помещений, распространение самиздата, использование коммуникационных технологий, отказ от сотрудничества для достижения ощутимых политических уступок; их число может доходить до 200[15]. В свою очередь восстание – это лишь одна (причем крайняя) форма реализации права на сопротивление; восстание всегда предполагает активные действия, применение силы. Насильственная тактика допускает использование взрывов, стрельбы, уничтожения инфраструктуры, иных методов нанесения ущерба людям и имуществу. Иными словами, сопротивление = гражданское неповиновение (ненасильственное сопротивление) + активные насильственные действия (в случае необходимости).

Такой подход может вызвать обвинение в том, что сопротивление в некоторых ситуациях отождествляется с осуществлением свободы убеждений, правом критиковать, проводить демонстрации, мирные митинги, забастовки и т.п. «Это выражение гражданской позиции, но не реализация права на сопротивление, поскольку не происходит выхода за пределы действующих норм права», - укажут сторонники более узкого понимания права на сопротивление.

По нашему мнению, во-первых, следует различать суть самого права и формы его реализации. В данной ситуации независимо от того, мирные это формы или нет, в

[13] Kaufmann Arthur. Small Scale Right to Resist. – New England Law Review. – 1985-1986. – Vol. 21:3. – P. 574.
[14] Ginsburg T., Lansberg-Rodriguez D., Versteeg M. When to Overthrow Your Government: The Right to Resist in the World's Constitutions // Virginia Public Law and Legal Theory Research Paper. – 2012. – № 406. – P. 9.
[15] Ченовет Е. Чому ненасильницький спротив ефективний: стратегічна логіка громадянського конфлікту / Е. Ченовет, М. Дж. Стефан; пер. з англ. – К.: ТОВ «Видавництво «КЛІО», 2014. – С. 16, 22.

рамках действующего законодательства или за пределами его требований, суть остается неизменной – борьба против проявленной публичной властью несправедливости.

Во-вторых, термин «сопротивление» свидетельствует о том, что соответствующая практика является внеинституциональной и в целом конфронтационной по своей природе; иными словами, при сопротивлении используется тактика, которая находится за пределами общепризнанного политического процесса (участие в выборах, создание групп интересов, лоббирование). Так, для объяснения отличия между «обычными» политическими акциями и ненасильственным протестом используется следующий пример: расклеивание антиправительственных плакатов в условиях демократии рассматривается как рядовое политическое действие с низким риском, тогда как в условиях авторитаризма оно является исключительным и сопряжено со значительным риском для активиста. Это отличие в контексте и стремлениях позволяет считать последнее ненасильственным протестом, а первое – нет. Рабочие забастовки в демократических странах также происходят в рамках институализированных отношений работников и работодателей – в отличие от недемократических стран[16];

2) сопротивление не обязательно ставит целью кардинальное изменение существующего строя; сопротивление (в том числе в форме восстания) нередко осуществляется для того, чтобы принудить публичную власть соблюдать общественный договор (конституцию). Сопротивление может быть направлено на устранение отклонений от принципов конституционного строя и нарушений прав человека, на фактическое противодействие таким нарушениям либо на изменение персонального состава либо организационного дизайна публичной власти[17]. В то же время революция имеет своей целью расторжение общественного договора и последующее заключение его на новых условиях. Если подобная цель ставится при сопротивлении, то его результатом может стать революция; если такое сопротивление осуществляется в немирной форме, то можно говорить о восстании, которое привело к революции. В свою очередь государственный переворот в отличие от сопротивления предполагает активные действия тех акторов, которые сами являются частью государственного механизма;

[16] Ченовет Е. Чому ненасильницький спротив ефективний: стратегічна логіка громадянського конфлікту / Е. Ченовет, М. Дж. Стефан; пер. з англ. – К.: ТОВ «Видавництво «КЛІО», 2014. – С. 21-22.
[17] Бабин Б. В. Право на сопротивление как глобальное право [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-notabene.ru/lr/article_817.html#1

3) революция[18] является лишь одной из разновидностей процесса изменений и только одним из путей осуществления социальных преобразований[19]; «революция – это быстрая, фундаментальная и насильственная, произведенная внутренними силами общества смена господствующих ценностей и мифов этого общества, его политических институтов, социальной структуры, руководства, правительственной деятельности и политики»[20] - такова характеристика революции С. Хантингтона, с которой мы в целом готовы согласиться. Но с одной оговоркой – насильственный характер не является определяющим для революции. Она может иметь ненасильственную форму осуществления (например, как «бархатные революции» в Восточной Европе в конце 1980-х гг.). Важно то, что восстание не может считаться революционным движением, пока оно не меняет структуру общества или же не становится способным ставить программные цели, направленные на достижение этой задачи[21]. «Главным в современных революциях является соединение идеи свободы с опытом начала чего-то нового. … именно свобода, идея которой сама порождена революцией, может служить тем критерием, с помощью которого можно пытаться отделить подлинные, реальные революции от неподлинных и нереальных»[22].

1. Право на восстание: история идеи

Идея права на восстание развивалась как в западной, так и в восточной правовой традиции. Теории естественного права и общественного договора во многом способствовали утверждению права на восстание в международном праве, в то время как эта же идея получила самостоятельное развитие в китайской и исламской правой доктрине. Более того, мощное влияние этих основных правовых традиций привело к

---

[18] Как отмечает Ханна Арендт, слово «революция» отсутствует там, где мы более всего ожидали его встретить – в историографии и политической теории раннего Ренессанса. Еще Макиавелли в своем описании насильственного низложения правителей и замены одной формы правления другой - проблемы, к которой он питал столь страстный, хоть и несколько преждевременный интерес, - все еще пользуется цицероновским термином mutatio rerum, который он перевел как mutazioni del statd (изменение состояния) (Арендт Х. О революции. – М.: Европа, 2011. – С. 41). Первоначально слово «революция» являлось астрономическим термином, и его роль в естественных науках особенно возросла после появления De revolutionibus orbium coelestia («О вращении небесных сфер») – главного труда Н. Коперника (1543 г.). В этом научном употреблении оно сохранило свое точное латинское значение, указывающее на постоянное, подчиненное закону вращательное движение звезд, неподвластное человеку и потому неодолимое, которому, очевидно, не была свойственна новизна и которое не подвергалось какому бы то ни было насильственному влиянию извне. В XVII веке слово «революция» впервые применили в качестве политического термина. Речь идет об английской революции и революционной диктатуре Кромвеля, падении Долгого парламента и восстановлении монархии. Тот же смысл мы обнаруживаем в нем и в 1688-м, когда были изгнаны Стюарты. Эта «Славная революция» – событие, благодаря которому термин «революция» парадоксальным образом получил «вид на жительство» в политическом и историческом языке, - вовсе не мыслилась как революция. Скорее наоборот: она подразумевала реставрацию королевской власти во всем присущих ей прежде величии и славе (Арендт Х. О революции. – М.: Европа, 2011. – С. 51).

[19] Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Аспект Пресс, 1999. – С. 57.

[20] Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 267.

[21] Cruse Harold. Rebellion or revolution? / by Harold Cruse; foreword by Cedric Johnson. — 1st University of Minnesota Press ed. p. cm.Originally published: New York: Morrow, 1968. – P. 101-102.

[22] Арендт Х. О революции. – М.: Европа, 2011. – С. 31.

явному или неявному признанию этого права в конституционных законах разных государств по всему миру.

1.1. Право на восстание в западной правовой традиции

Дискуссия о праве на революцию против тиранов берет свое начало еще во времена Платона. В своей книге Государство, в одном из диалогов с Сократом звучит вывод о том, что люди, которые не в состоянии изгнать тирана или публично осудить его на смертную казнь, вступают в сговор с целью убить его. Цицерон, комментируя убийство Юлия Цезаря, подчеркивает, что его причиной стало то, что император ради принципата преступил все божеские и человеческие законы[23]. Цицерон оправдал действия тех, кто убил тирана[24]. По свидетельствам Тацита, правление другого Римского тирана Тиберия было настолько несносным, что народ говорил о том, что даже война лучше такого убого мира[25].

Г. Моска приводит также в пример цитату из поэмы Лукреция Кара «О природе вещей» («De rerum natura»). В ней автор утверждает, что вначале люди собирались в города под руководством начальников, выбранных среди наиболее сильных, представительных и красивых. Но избранники вырождаются, злоупотребляют своей властью, собирая в своих руках все богатства и вызывая таким образом восстание управляемых[26].

Подъем христианства привел к широкому признанию библейских повествований, которые оправдывали убийство тирана, угнетающего народ[27]. Джон Солсбери (ок. 1115-1180), английский философ и теолог, утверждал, что «убийство тиранов не только разрешается, но и является соразмерным и справедливым»[28]. По его мнению, князь есть образ божества, тиран же – личина Люцифера, поэтому убийство тирана не только дозволено, но и является действием приличным.

Фома Аквинский в трактате «О правлении государей» писал следующее: «представляется, однако, что сопротивление жестокости тирана будет иметь успех,

---

[23] Цицерон Марк Туллий. О старости. О дружбе. Об обязанностях; пер. с лат. – М.: Наука, 1975. – С. 64.

[24] «Но если кто-то убивает тирана... его душа не должна быть подавлена чувством вины, не так ли?». Это один из тех тезисов концепции естественного права Цицерона, который через много столетий оказал влияние на теорию естественного права, чтобы перенестись в эпоху американской революции.

[25] Tacitus, The Annals 237 (William Francis Allen ed., Ginn & Co. 1899) (“Miseram pacem vel bello bene mutari”).

[26] Моска Г. История политических доктрин; пер. с итал. – М.: Мысль, 2012. – С. 63.

[27] Пожалуй, самым влиятельным среди них оказалась история о Иудифь, иудейской героине, патриотке и символе борьбы иудеев против их угнетателей в древности на Ближнем Востоке, «красива видом и весьма привлекательна взором» (Иудифь 8:7). После того, как войска ассирийцев осадили её родной город, она нарядилась и отправилась в лагерь врагов, где привлекла внимание полководца Олоферна. Когда он напился и заснул, она отрубила ему голову, и принесла её в родной город, который таким образом оказался спасен.

Иудифь стала символом сопротивления в национальной литературе некоторых стран. Например, Марко Марулич, хорватский поэт и гуманист, написал эпическую поэму Judita, своеобразный римейк библейской истории, опубликованный в 1521 году в Венеции (на хорватском языке). Сегодня эта поэма считается символом сопротивления против венецианской гегемонии, а также хорватской исторической борьбы за свободу.

[28] John of Salisbury, Policraticus 25 (Cary J. Nederman ed. & trans., 1990).

как действие любых людей не по собственному почину, а по решению общества. Во-первых, если право любого множества достигает того, чтобы выдвигать себе царя, то не будет несправедливым, что выдвинутый этой множеством царь будет сброшен, либо его власть будет ограничена, если он тиранически злоупотребляет царской властью. Не следует считать, что такое множество будет несправедливым, даже если перед этим они возвысили его перед собой навечно; ведь он сам заслужил это, ведя себя нечестно в управлении множеством, потому и договор подданных с ним не соблюдается»[29].

Л. Дюги отмечает, что у католических богословов является постоянной традицией признавать законным сопротивление насилию. Пассивное – в невыполнении закона, противоречащего праву (энциклика Libertas Льва XIII, 20 июня 1888 г.), оборонительное – противопоставление силы силе, когда суверен хочет заставить исполнять несправедливый закон. Что касается наступательного сопротивления, то это – восстание, мятеж с целью силою принудить правительство отменить несправедливые законы, им изданные, или незаконные решения, им принятые, и даже с целью низвергнуть правительство[30].

По признанию Л. Дюги, начиная со св. Фомы, все богословы признают это право на восстание, но только как *ultimum remedium* (крайнюю меру); они советуют пользоваться им с большим благоразумием, хорошо взвешивая, не рискует ли это восстание усилить зло, вместо того, чтобы его облегчить. Естественно, св. Фома ставит и обсуждает вопрос в теологической форме: есть ли мятеж грехом, спрашивает он. И отвечает, что да, так как он противится миру и единству народа. Но те, кто защищает общее благо, не являются мятежниками. Когда же правительство тираническое, когда оно издает несправедливые законы, какова бы ни была при этом форма правительства, то в этом случае именно держащие власть являются мятежниками, потому что именно они нарушают общественный мир; следовательно, им можно сопротивляться, и стремиться отнять у них власть не значит быть мятежником, не значит совершать грех[31].

Еще одна важная историческая веха – Великая хартия вольностей 1215 г., одно из положений которой прямо говорит о праве на восстание, более того, прописывает процедуру, которая должна предшествовать его реализации. Так, согласно п. 61 бароны, как вторая сторона договора с королем, наделялись правом избрать 25 «баронов из королевства, кого пожелают, которые должны всеми силами блюсти и

[29] Аквинский Фома. О правлении государей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unavoce.ru/library/aquinas_ruling.html
[30] Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. – М.: Типография Сытина, 1908. – С. 947.
[31] Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. – М.: Типография Сытина, 1908. – С. 948.

охранять и заставлять блюсти мир и вольности, какие мы им пожаловали и этой настоящей хартией нашей подтвердили, таким именно образом, чтобы, если мы или наш юстициарий, или бэйлифы наши, или кто-либо из слуг наших, в чем-либо против кого-либо погрешим или какую-либо из статей мира или гарантии нарушим, и нарушение это будет указано четырем баронам из вышеназванных двадцати пяти баронов, эти четыре барона явятся к нам <…> указывая нам нарушение, и потребуют, чтобы мы без замедления исправили его. И если мы не исправим нарушения <…> в течение времени сорока дней, считая с того времени, когда было указано это нарушение <…>, то вышеназванные четыре барона докладывают это дело остальным из двадцати пяти баронов, и те двадцать пять баронов совместно с общиною всей земли будут принуждать и теснить нас всеми способами, какими только могут, то есть путем захвата замков, земель, владений и всеми другими способами, какими могут, пока не будет исправлено (нарушение) согласно их решению»[32].

В XVI веке, после Варфаломеевской ночи, протестантские писатели определенно высказывались в пользу права на восстание. В памфлете *Vindiciae contra tyrannos* (Эдинбург, 1579)[33] очень определенно утверждается право народа отказать в повиновении князю, который нарушает свои обязанности по отношению к Богу и по отношению к народу, и даже его низвергнуть; вся доктрина покоится на идее договора, существующего между королем и народом … Народ, под предводительством своих магистратов, может в этом случае составить заговор, чтобы ниспровергнуть князя. «Если тиран настолько силен, что его можно ниспровергнуть только силою оружия, представители народа могут побудить народ взять оружие и употребить всякий способ силы или хитрости против того, который почитается врагом отечества и республики».

Суарес, написавший в 1603 г. трактат, озаглавленный «*De legibus*» («О законах»), говорил о народном суверенитете, но полагал, что, если однажды народ отказался от своего суверенитета, он теряет право на его осуществление и должен оставить управление избранному им суверену. Поэтому он оправдывает восстание, только если суверен становится тираном.

Хуан де Мариана, испанский иезуит и историк XVI-XVII в., утверждал, что народ может противостоять монарху, нарушающему основные законы, атакующему свободы и привилегии своих подданных, либо стремящемуся разрушить нацию[34]. В своем трактате «*De rege*» («О правлении»), опубликованном в 1599 г., он доходит

[32] Петрушевский Д. М. Великая Хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII века. – М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1915. – 179 с.
[33] В отношении авторства данного произведения сведения противоречивые.
[34] Ваттель Э. Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов; пер. с фр. – М.: Госюриздат, 1960. – 719 с.

© Погребняк С.П., Уварова Е.А.

даже до защиты убийства царя, описывает тирана как хищное животное, которое должно быть подавлено любой ценой. Правда, у него возникают некоторые сомнения в отношении яда как средства убийства[35].

Идея о возможности противостоять монарху поддерживалась не только названным мыслителем: она возникла в испанской правовой традиции позднего средневековья, когда отношение людей к государю строилось на отношении к нему как к первому среди равных (*primus inter pares*) и, если бы он не подчинился закону, то и его поданные имеют право не подчиняться государю[36].

В это же время развивал свои идеи и Гуго Гроций. В своем труде «О праве войны и мира» он ставит вопрос о том, «дозволено ли частным или должностным лицам восставать против тех органов верховной или подчиненной власти, которым они сами подчинены?», и отвечает на него следующим образом. «Все по природе имеют право противиться причинению им насилия. Но так как государство установлено для обеспечения общественного спокойствия, то ему принадлежит некое верховное право над нами и нашим достоянием, поскольку это необходимо для осуществления государственных целей. Поэтому государство и может наложить запрет на это всеобщее право сопротивления ради сохранения общественного мира и государственного порядка». В целом Гуго Гроций выступает против сопротивления верховной власти. Пока вопрос не становится о крайней необходимости. «Существенно важнее вопрос о том, связывает ли нас закон о непротивлении при наличии большой и явной опасности. Ибо ведь даже некоторые законы божеские, хотя и изданные в общей форме, тем не менее, включают молчаливое изъятие на случай крайней необходимости; так было постановлено еврейскими учителями о соблюдении субботы во времена асмонеев, откуда произошло известное изречение: «Смертельная опасность препятствует соблюдению субботы». «Барклай, решительный сторонник царской власти, однако же, снисходит до того, что предоставляет народу и его знатнейшей части право самозащиты против бесчеловечной жестокости, хотя он и признает, что весь народ подчинен царю («Против тираноборцев», кн. III, гл. 8 и кн. VI, гл. гл. 23 и 24). Я отлично понимаю, что чем выше охраняемое благо, тем выше должна быть справедливость, допускающая изъятие из буквального смысла закона; тем не менее, я едва ли возьму на себя смелость осудить огульно как отдельных граждан, так и меньшинство народа, прибегавших когда-либо к самозащите в состоянии крайней необходимости, не упуская из вида уважения к общему благу». В связи с этим Г. Гроций допускает

[35] Моска Г. История политических доктрин; пер. с итал. – М.: Мысль, 2012. – С. 138.
[36] См.: Waldo Cutler Peebles, Democratic Tendencies in the Spanish Literature of the Golden Age, 15 HISPANIA 317, 321 (1932).

некоторые исключения из запрета противиться носителям верховной власти. Одно из них – сопротивление против государя, явно враждебного всему народу. «Царство следует считать покинутым, если царь, проникнутый чисто враждебным духом, замышляет гибель всего народа, — с чем я вполне согласен; ибо воля повелевать и воля, направленная на гибель государства, несовместимы. Дело в том, что тот, кто объявляет себя врагом всего народа, тем самым отрекается от царства. Но едва ли возможно допустить такой образ мыслей в царе, обладающем здравым умом и повелевающем народом»[37].

Эмер де Ваттель, швейцарский юрист XVIII в., один из основателей современного международного права, не только согласился с Хуаном де Мариана, но и развил его концепцию, введя важный критерий, имеющий значение для оценки легитимности использования революционных мер – принцип пропорциональности: «Когда к злу могут быть применены умеренные и безопасные меры, нет ни одной причины ждать, пока оно станет чрезвычайным»[38].

По мнению Ж-Ж. Руссо, «верховная власть, какой бы неограниченной, священной, неприкосновенной она ни была, не переступает и не может переступать границ общих соглашений…. Как частная воля непрестанно действует против общей, так и Правительство постоянно направляет свои усилия против суверенитета. Чем больше эти усилия, тем больше портится государственное устройство; а так как здесь нет другой воли правительственного корпуса, которая, противостоя воле государя, уравновешивала бы ее, то рано или поздно должно случиться, что государь подавляет в конце концов суверен и разрывает общественный договор. … в ту минуту, когда Правительство узурпирует суверенитет, общественное соглашение разорвано, и все простые граждане, по праву возвращаясь к своей естественной свободе, принуждены, а не обязаны повиноваться»[39].

В свою очередь Ш.-Л. Монтескье в Персидских письмах (Письмо CIV. Узбек к нему же) подчеркивал: «… если государь, вместо того чтобы обеспечить подданным счастливую жизнь, вздумает их угнетать или истреблять, повод к повиновению прекращается: подданных ничто больше не соединяет с государем, ничто не привязывает к нему, и они возвращаются к своей естественной свободе»[40].

Еще одно имя той эпохи – Джон Локк. В «Двух трактатах о правлении» он обосновал право на восстание следующим образом: «199. Если узурпация есть

[37] Гуго Гроций. О праве войны и мира: Репринт, с изд. 1956 г. – М.: Ладомир, 1994. – С. 172.
[38] Ваттель Э. Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов; пер. с фр. – М.: Госюриздат, 1960. – 719 с.
[39] Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М.: Наука, 1969. – С. 173, 214, 216.
[40] Монтескье Ш.-Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян; пер. с фр. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2002. – С. 169.

осуществление власти, на которую имеет право другой, то тирания – это осуществление власти помимо права, на что никто не может иметь права. …

202. Где кончается закон, начинается тирания, если закон преступается во вред другому. И если кто-либо из находящихся у власти превышает данную ему по закону власть и использует находящуюся в его распоряжении силу для таких действий по отношению к подданному, какие не разрешаются законом, то он при этом перестает быть должностным лицом, и поскольку он действует подобным образом без надлежащих полномочий, то ему можно оказывать сопротивление, как и всякому другому человеку, который силой посягает на права другого. …

209. Но если несправедливое поведение князя или должностного лица распространилось на очень большое число членов общества и захватило народ в целом, или если несправедливость и угнетение хотя и распростерлись не на многих лиц, но в отношении некоторых вещей, которые имеют величайшую важность, так что все приходят к тому внутреннему убеждению, что их закон, их имущество, их свободы, их жизни находятся в опасности, и, может быть, даже их религия, то я не решился бы сказать, что эти лица не должны воспротивиться столь недозволенной силе, которая против них применяется»[41].

Даже Томас Гоббс – известный сторонник абсолютной государственной власти, апологет Левиафана – допускал возможность освобождения подданных от повиновения суверену (если суверен не в состоянии защищать их) и объявлял недействительным соглашение людей, не защищающее их. «Соглашение, обязывающее меня не сопротивляться насилию, - подчеркивал выдающийся английский философ, – недействительно… человек охотнее выбирает меньшее зло, которое в данном случае состоит в опасности смерти при сопротивлении, чем большее зло, а именно верную и неминуемую смерть при отказе от сопротивления»[42].

О jus resistendi говорилось также в известном обращении Филиппа Орлика к правительствам европейских государств под названием «Вывод прав Украины». В этом документе, среди прочего, указывалось, что «казаки имеют за собой право человеческое и природное, одним из главных принципов которого является: народ всегда имеет право протестовать против гнета и восстановить применение своих древних прав, когда на это будет подходящее время»[43].

Иеремия Бентам, в целом, выступая против идеи естественного права и естественных прав и таким образом повлиявший на образование школы

[41] Локк Дж. Соч. в 3-х т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 2. – С. 378-379, 383.
[42] Гоббс Т. Соч. в 2-х т. – М.: Мысль, 1991. – Т. 2. – С. 172, 107.
[43] Орлик Пилип. Вивід прав України [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://spilka.uaweb.org/library/doc_orlyk.html

юридического позитивизма, тем не менее, не отрицал допустимость сопротивления против правительства. По его словам, человек имеет право «прибегнуть к мерам сопротивления; когда, в соответствии с лучшими расчетами, он способен причинить вероятный меньший вред (говоря об обществе в целом), чем возможный вред от подчинения»[44]. Данный утилитарный подход, как представляется, согласуется с школой естественного права, поскольку если угнетающий (деспотический) режим минимизирует счастье людей, разумный расчет заключался бы в том, что любое изменение, достигнутое путем революции, должно увеличить их счастье.

Основой конституционного права Франции и сегодня остается Декларация прав человека и гражданина (1789 г.), которая относит к естественным правам человека и гражданина право на сопротивление угнетению. Конституция Франции 1958 г. подтверждает юридическую силу Декларации. Кроме того, 16 июля 1971 г. Конституционный совет Франции признал Декларацию юридически обязательным документом, нарушение которого приравнивается к неконституционности.

Здесь хочется сделать небольшое отступление. Л. Дюги уже в начале XX в. задавался вопросом, какой смысл в право на сопротивление насилию, названное в Декларации прав 1789 г., вкладывали люди в том самом далеком 1789 г. «Они остереглись сказать это. Ни в Декларации, ни в конституции 1791 г., ни даже в прениях, предшествовавших им, мы не находим ничего, что позволило бы схватить точную мысль Национального Собрания по этому пункту. Наоборот, авторы Декларации и конституции 1793 г. определили отчетливо основание и объем сопротивления насилию. Они заявили, что это сопротивление есть следствие других прав человека. Оно может быть не только пассивным и оборонительным, но и наступательным и идти даже до восстания, имеющего в виду низвержение правительства. В ст. 10 и 11 Декларации 1793 г. мы читаем: «всякий гражданин, призванный или схваченный силою закона, должен немедленно повиноваться, сопротивляясь, он делается виновным. Всякий акт, осуществляемый против человека, вне случаев и вне форм, определенных законом, произволен и тираничен, тот, против которого пожелали бы насильно его применить, имеет право отразить его силою». Следовательно, нет преступления мятежа в действии того, кто силою отражает акт власти, совершенный в нарушение закона. Идут еще дальше, и если народ притеснен тираническими законами, восстание есть право и даже долг»[45].

Опять же, к слову, Жирондистская декларация раскрывала понятие «угнетение», различая три его вида. Первый вид угнетения исходит от законодателя; «угнетение возникает в случаях, когда закон попирает неотъемлемые гражданские и

[44] Jeremy Bentham, A Fragment on Government 215 (F.C. Montague ed., photo. reprint 2001) (1891).
[45] Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. – М.: Типография Сытина, 1908. – С. 945.

политические права, которые он призван гарантировать». Второй вид угнетения исходит от государственных должностных лиц; «угнетение возникает всякий раз, когда закон нарушается государственными должностными лицами при его применении к индивидуальным случаям». Третий вид угнетения совершается действиями любого индивида; «угнетение возникает вследствие индивидуальных произвольных действий, нарушающих права граждан вопреки требованиям закона». Якобинская декларация не воспроизводила эти формы угнетения, но зато в статье 34 уточняла, что «угнетение совершается против всей социальной общности всякий раз, когда угнетению подвергается один из ее членов», и что «угнетение постигает каждого члена общества, в случае если угнетается общество в целом». Таким образом, по мнению якобинцев, в обоих этих случаях имеет место угнетение всего народа, и не потому ли их Декларация заканчивается знаменитым изречением: «Когда правительство попирает право народа, восстание является как для всего народа, так и для каждой из его частей самым священным из прав и самой насущной из обязанностей». Конституционная история Франции позволяет сделать окончательный вывод, что угнетение есть грубейшее из нарушений прав и свобод теми, кто фактически или юридически осуществляет бесконтрольные властные полномочия, в том числе и законодательным путем[46].

Теория общественного договора стала краеугольным камнем идеологии американской революции. Это повлияло на признание права революции в преамбуле Декларации независимости США (1776 г.): «Мы считаем очевидными следующие истины: все люди сотворены равными, и все они одарены своим Создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат: жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав учреждены среди людей, правительства, заимствующие свою справедливую власть из согласия управляемых. Если же данная форма правительства становится гибельной для этой цели, то народ имеет право изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и с такой организацией власти, какие, по мнению этого народа, всего более могут способствовать его безопасности и счастью. Конечно, осторожность советует не менять правительств, существующих с давних пор, из-за маловажных или временных причин. И мы, действительно, видим на деле, что люди скорее готовы терпеть зло до последней возможности, чем восстановить свои права, отменив правительственные формы, к которым они привыкли. Но когда длинный ряд злоупотреблений и узурпации, неизменно преследующих одну и ту же цель, обнаруживает намерение предать этот народ во власть неограниченного

[46] Люшер Ф. Конституционная защита прав и свобод личности. – М.: Издат. группа «Прогресс»-«Универс», 1993. – С. 367-368.

деспотизма, то он не только имеет право, но и обязан свергнуть такое правительство и на будущее время вверить свою безопасность другой охране». Большинство американских штатов в свои конституции позже также включили такие же или близкие положения о праве революции[47]. Это право признается прецедентным правом судами США[48]. Более того, судебная практика выработала принцип соразмерности в использовании революционной силы, когда насилие считается крайним средством свергнуть правительство[49].

После того, как венгерский революционный лидер Лайош Кошут попросил об американской поддержке в венгерской борьбе за свободу, Соединенные Штаты ответили в 1852 году Резолюцией во имя венгерского свободы, написанной комитетом Линкольна: «Это право любого народа, достаточно многочисленного для национальной независимости, сбросить, произвести коренную ломку существующей формы правления, а также установить любую другую, на свой выбор, на ее месте»[50]. Линкольн последовательно подчеркивал право на революцию, как только он стал президентом США: «Эта страна, с ее институтами, принадлежит людям, которые ее населяют. Всякий раз, когда у них возрастает усталость от существующей власти, они могут реализовать свое конституционное право путем внесения поправок или их революционное право разделить либо свергнуть ее»[51].

Кроме того, в 1923 году, государственный секретарь Чарльз Эванс Хьюз сделал однозначное заявление от имени Соединенных Штатов: «Мы признаем право на революцию...»[52]. Внешняя политика США сыграла решающую историческую роль в установлении права на революцию на уровне международного права. Это, пожалуй, самая важная политическая ценность, которая когда-либо была экспортирована Америкой по всему миру. Даже во времена холодной войны, когда ЦРУ охотилось за революционерами вроде Че Гевары в Боливии, судья Верховного суда Блэк сказал:

---

[47] Алабама (ALA. CONST. art. I, § 2); Арканзас (ARK. CONST. art. II, § 1); Колорадо (COLO. CONST. art. II, § 2); Коннектикут (CONN. CONST. art. I, § 2); Делавэр (DEL. CONST. pmbl.); Айдахо (IDAHO CONST. art. I, § 2); Индиана (IND. CONST. art. 1, § 1); Айова (IOWA CONST. art. 1, § 2); Мэриленд (ME. CONST. art. 1, § 2); Массачусетс (MASS. CONST. pt. 1, art. 7); Миннесота (MINN. CONST. art. 1, § 1); Миссури (MISS. CONST. art. 3, § 6); Монтана (MONT. CONST. art. 2, § 2); Невада (NEV. CONST. art. 1, § 2); Нью-Гэмпшир (N.H. CONST. pt. 1, art. 10); Нью-Йорк (N.J. CONST. art. 1, ¶ 2); Нью-Джерси (N.D. CONST. art. 1, § 2); Огайо (OHIO CONST. art. I, § 2); Оклахома (OKLA. CONST. art. 2, § 1); Орегон (OR. CONST. art. I, § 1); Пенсильвания (PA. CONST. art. 1, § 2); Род-Айленд (R.I. CONST. art. 1, § 1); Южная Каролина (S.C. CONST. art. I, § 1); Южная Дакота (S.D. CONST. art. 6, § 26); Теннеси (TENN. CONST. art. 1, § 2); Техас (TEX. CONST. art. 1, § 2); Юта (UTAH CONST. art. 1, § 2); Вермонт (VT. CONST. ch. I, art. 7); Вашингтон (VA. CONST. art. 1, § 3); Вирджиния (W. VA. CONST. art. 3, § 3); Вайоминг (WYO. CONST. art. 1, § 1).

[48] Jordan J. Paust. The Human Right to Revolution, Human Rights in the World Community: Issues and Action 445, 447–48 (Richard Pierre Claude & Burns H. Weston eds., 3d ed. 2006).

[49] Dennis v. United States, 341 U.S. 494, 501 (1951).

[50] Abraham Lincoln, Resolutions in Behalf of Hungarian Freedom, in The Collected Works of Abraham Lincoln, Vol. II, 115 (Roy P. Basler ed., 1953).

[51] Abraham Lincoln, First Inaugural Address (March 4, 1861), in Lincoln's Stories and Speeches 212 (Edward F. Allen ed., 1900).

[52] Green Haywood Hackworth, Digest of International Law, Vol. 1, 177 (1940).

«С начала истории были правительства, которые действовали против народа настолько плохо, настолько жестоко, настолько несправедливо и столь разрушительно в отношении индивидуального достоинства мужчин и женщин, что «право на революцию» должен сохранить для себя каждый народ, чтобы иметь возможность освободиться. Как простая иллюстрация, одно правительство почти 2000 лет назад сжигало христиан на огненных крестах, а другое правительство, в этом столетии сжигало евреев в крематориях. Смею предположить, что есть бесчисленное множество людей в этой стране, и во всем мире, кто бы присоединиться к вере в право народа сопротивляться с помощью силы тиранническим правительствам, подобных названным»[53].

В одном из решений Верховного Суда США было подчеркнуто: «Мы должны признать, что гражданское неповиновение в различных формах, используемых без насильственных действий в отношении других, является укоренившимся в нашем обществе, и моральная правильность взглядов политических протестующих служит цели изменения и улучшения нашего общества. Гражданское неповиновение было распространено на протяжении всей истории этой нации, начиная с Бостонского чаепития и подписания Декларации независимости...»[54].

Говоря о начале XX в., следует еще раз вспомнить Л. Дюги. «Если несмотря на все гарантии, установленные в современных странах, чтобы обеспечить уважение и применение права государством, существуют нарушения права, то говорят, что имеет место насилие. Насилие существует, когда государство, как законодатель, издает закон, который оно в силу права не может издать[55]. Насилие существует, когда государство, как законодатель, не издает закон, который оно юридически должно издать. … Насилие существует, когда индивидуальный или юрисдикционный акт совершен с нарушением закона, каков бы ни был орган или агент, его совершивший, и насилие тем более тяжко, чем от более высокого органа в иерархии властей государства, парламента или избирательного собрания оно исходит. … Когда,

[53] In re Anastaplo, 366 U.S. 82, 113 (1961) (Black, J., dissenting).
[54] Kabat, 797 F.2d at 601.
[55] Кстати, некоторые ученые видят идейные истоки института конституционного контроля, осуществляемого судами, именно в праве на восстание. Ведь в ситуации отсутствия такого судебного контроля несправедливым законам пришлось бы оказывать сопротивление самому народу (Edward Rubin. Judicial Review and the Right to Resist // Vanderbilt University Law School Public Law and Legal Theory Working Paper Number 08 -11. P. 128). Считается, что в Америке контроль за конституционностью законодательных актов был введен в начале XIX в. Как отмечают исследователи, с этого момента у людей уже не было необходимости терпеть законодательные или исполнительные действия, нарушающие высший закон, которому правители, как предполагается, должны повиноваться. Уже не нужно им ждать, чтобы нарушения накопились до такой степени, когда они станут невыносимыми. Уже не нужно прибегать к насилию, рискуя жизнью с целью обеспечить соблюдение высшего закона с помощью неповиновения или революции. Теперь люди могут рассчитывать на специальное учреждение судебной системы, призванное принудить правителя, будь-то законодательный или исполнительный орган, соблюдать высший закон. Судебный контроль, как говорят американцы, приручает (одомашнивает) право на восстание (Bruce Ackerman, Revolution on a Human Scale, 108 Yale L.J.2279 (1999)).

несмотря на гарантии, организованные положительным законодательством страны, законодатель издает законы, противоречащие праву, администратор и судья совершает акты, противные закону, могут ли, спрашивается, подданные государства силою воспротивиться применению законов, противоречащих праву, выполнению административных или судебных актов, противных закону? В этом заключается очень старый, очень известный и очень запутанный вопрос о сопротивлении насилию»[56], - писал Л. Дюги в начале XX века. «Всякое правительство, которое постоянно издает законы, нарушающие высшее право, обязательное для государства, которое совершает или дает возможность совершать произвольные акты, нарушающие существующие законы, является тиранническим правительством, не выполняющим своей миссии, и народ, совершающий революции, чтобы ниспровергнуть его, совершает, разумеется, законный акт. … Ясно, кроме того, что вопрос о законности восстания никогда не может быть поставлен в положительном праве перед судом»[57].

Двадцатый век был свидетелем взлета и падения различных марксистских теорий (от Октябрьской революции 1917 г. до роспуска Варшавского договора в 1990 г.). В своем предисловии к критике политической экономии К. Маркс определяет социальную революцию как радикальную трансформацию всей надстройки общества, являющуюся результатом изменения его экономических основ[58]. По Марксу, она означает не просто свержение правительства, но подразумевает идеологическую трансформацию общества в целом. Но главная проблема состоит в том, как добиться такого преобразования? В начале XX в. имел место большой спор между марксистами по поводу того, является ли терроризм приемлемым способом осуществления революции. В своей книге «Терроризм и коммунизм» Карл Каутский подверг критике Октябрьскую революцию 1917 г. как «форму варварства» и «кровавый терроризм»[59]. Он утверждал, что обращение большевиков к терроризму «изменил принцип неприкосновенности человеческой жизни, который они сами открыто провозгласили». В ответ на критику Каутского Лев Троцкий оправдывал «красный террор», проводя сравнение с самообороной. «Когда убийца поднимает нож над ребенком, можно ли в один прекрасный день убить убийцу, чтобы спасти ребенка?... Можно ли убить убийцу, чтобы спасти себя? Является ли восстание угнетенных рабов против своих господ допустимым? Допустимо ли купить свою

[56] Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. – М.: Типография Сытина, 1908. – С. 941, 945.
[57] Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. – М.: Типография Сытина, 1908. – С. 955.
[58] Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 13. – С. 5–9.
[59] Karl Kautsky, Terrorism and Communism: A Contribution to the Natural History of Revolution, ch. I (W. H. Kerridge trans., 1919), available at http://www.marxists.org/archive/kautsky/1919/terrcomm.

© Погребняк С.П., Уварова Е.А.

свободу ценой жизни своих тюремщиков?»[60] Он приходил к следующим выводам: чтобы сделать индивидуальность священной, мы должны уничтожить социальный порядок, который распинает ее. И эта проблема может быть решена только железом и кровью.

После Второй мировой войны вопрос, который беспокоил авторов Конституции Германии, был следующим: Quis custodiet ipsos custodes? (Кто будет наблюдать за наблюдателями?) Кто должен контролировать правительство со значительными полномочиями? Таким контролером должен выступать сам народ. Именно поэтому право революции (Wiederstandrecht) было включено в 1968 году в Основной закон: «Все немцы имеют право оказывать сопротивление любому, кто пытается отменить существующий конституционный порядок, если все другие средства оказываются недейственными». Для предотвращения злоупотреблений правом на революцию Основной закон связывает это право требованием Ultima Ratio (принцип последнего довода), принципом пропорциональности[61].

1.2. Право на восстание в Восточной правовой традиции и в Африке

Существует мнение, что идея права на восстание уходит своими корнями в Древний Китай, и в ходе истории не раз использовалась для обоснования (или оправдания) различных восстаний, в том числе и для Американской и Великой Французской революций.

В первую очередь, речь идет о философском наследии древнекитайского мыслителя Мэн-цзы, которого признают «вторым после Конфуция совершенно мудрым». Он говорил о том, что «одного доброго сердца недостаточно для управления, но и одни законы не могут исполняться сами собою». Если у правителя нет принципов справедливости для сообразования своей деятельности, а у его подчиненных нет законов, которых они могли бы держаться в исполнении своих обязанностей, тогда при дворе (в государевой думе) не будет доверия к принципам справедливости, а между чинами — доверия к законам: высшие будут нарушать долг, а низшие — законы. Сохранение государства при таких условиях было бы счастливою случайностью[62]. Если правитель сильно угнетает свой народ, то он сам будет убит и государство (династия) погибнет[63].

Благодаря таким своим идеям Мэн-цзы современными исследователями признается основателем демократических идей в древнекитайской мысли, возникших практически одновременно с расцветом древнегреческой демократии (IV-III вв. до

[60] Leon Trotsky, Dictatorship vs. Democracy (Terrorism and Communism): A Reply to Karl Kautsky 62 (1922).
[61] См.: Theodor Maunz, Günter Dürig et al., Grundgesetz: Kommentar, Band III (ART. 16–22), p. 338, Rn. 34 (Roman Herzog et al. eds., 6th ed. 2011).
[62] Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»); пер. с кит. — М.: Вост. лит., 2004. — С. 311.
[63] Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»); пер. с кит. — М.: Вост. лит., 2004. — С. 312.

н.э.)[64].

Свое развитие указанные идеи получили в концепции «мандата Неба» *(«Mandate of Heaven»)*: некогда Небо дало приказ (мандат) управлять Поднебесной династии Ся, но ее правители оказались не на высоте, и Небо изменило свое решение, дав мандат шанскому Чэн Тану. Затем не на высоте оказался Чжоу Синь, и Небо снова изменило свое решение, вручив мандат чжоуским правителям. Отсюда явствует, что чжоуские ваны управляют Поднебесной не по праву голой силы и успешного завоевания. Напротив, они успешно воюют и одолевают противника именно потому, что за ними – Великое Небо. Идея мандата Неба была сформулирована на рубеже XI-X вв. до н.э.[65] Концепция использовалась для убеждения населения в том, что Небеса благословляют власть лишь справедливого правителя, но будут недовольны и лишат своего мандата правителя деспотического. Доказательством перехода мандата неба является успешность восстания. Раз восстание стало успешным, значит, его одобрили небеса. Книга истории (*Book of History*), древняя китайская классика, говорит: «Небо любит народ, и Государь должен повиноваться Небесам». Как только государь перестает управлять государством на благо своему народу, народ имеет право на восстание против него и свержение его с престола.

Что касается исламской правовой мысли, то на более раннем этапе ее развития юристы защищали тиранию перед анархией[66]. Тем не менее, даже тогда в определенной части исламской теории присутствовала поддержка права на революцию. Согласно раннему pre-Ghayba Shi'ism (то есть перед The Occultation) признание несправедливости и нелегитимности правителя приводит к активной попытке свергнуть его, однако уже доктрина периода Ghayba отказалась от такого подхода. Zaydism, шиитская школа, разрешила любому «квалифицированному кандидату» претендовать на имамат, подняв других на «военное восстание против деспотического правителя»[67].

Школа Mu'tazili оправдывала применение вооруженного восстания против несправедливого правителя[68]. Другой пример Khawarij, которая широко отстаивала право и обязанность восстать против тирана[69]. Ведущий ученый исламского золотого века, Ибн Сина, широко известный под своим латинизированным именем Авиценны,

---

[64] Прушенова Е.Ц. Конфуцианский вариант демократии в философии Мэн-Цзы // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона-III: материалы международной научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов (15 апреля 2011 г.) – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2011. – С. 57-61.
[65] Васильев Л.С. Древний Китай. Т. I: Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н. э.). - М.: Вост. лит., 1995. — С. 232.
[66] Majid Khadduri, War and Peace in the Law of Islam, 13, 69 (2006).
[67] Najam Haider, The Origins of the Shi'a: Identity, Ritual, and Sacred Space in Eighth-CEntury Kufa 17 (2011).
[68] Antony Black, The History of Islamic Political Thought 27 (2d ed. 2001).
[69] Calder, supra note 1900, at 14. See also EL-AWA, supra note 193, at 60.

также признавал право на восстание. Это право также получило признание в Персидском средневековом тексте *The Sea of Precious Virtue* («Море драгоценной добродетели»)[70].

Со временем, такие исключительные оправдания революционных актов приобрели статус принципа, признаваемого во многих конституциях исламских стран. После алжирской войны за независимость (1954-1962), революция была в явной форме оправдана в Конституции Алжира, а ценность революции находится под конституционной защитой и сегодня[71].

В 1979 году иранская революция признала эту новую перспективу в исламском мире. Конституция Ирана выразительно оправдывает революцию, направленную на свержение деспотического режима[72]. Конституция Афганистана признает «жертвы и исторические битвы... и просто сопротивление всего народа Афганистана»[73].

Идея Шура (*Shura*), которая обязывает правителя советоваться с людьми в вопросах, имеющих общественное значение, сыграла ключевую роль в этом процессе. Шура считается одним из самых важных исламских конституционных принципов. Кроме того, значительное число юристов в различных школах исламского права указывает на «допустимость свержения главы государства с должности, если его действия представляются нарушающими его должностные обязанности, или если он действовал в неугодный способ, который был расценен как аморальный, угнетающий или нарушающий Коран и Сунну Пророка.

Современный этап доктринальной мысли и развития концепции права на революцию связывают с именем Бернарда Льюиса (ему же, а не С. Хантингтону, приписывают первенство во введении понятия «столкновение цивилизаций»[74]). Согласно учению Бернарда Льюиса в Коране и Сунне есть несколько положений, которые позволяют рассматривать вопросы управления через призму права на революцию. Коран, например, дает понять, что существует обязанность послушания: «Повинуйтесь Аллаху, повинуйтесь Пророку, повинуйтесь тем, кто имеет власть над вами». И эта мысль развивается в высказываниях, приписываемых Мухаммеду. Но есть также и изречения, ставящие жесткие ограничения в отношении обязанности повиновения: «нет послушания в грехе», иными словами, если правитель

---

[70] The Sea of Precious Virtues 120 (Julie Scott Mesiami ed. & trans. 1991) (Sunnis allow rebellion against the king if he "commands some impiety, or something that is contrary to the Law or an innovation").

[71] Constitution de la Rèpublique Algèrienne Dèmocratique et Populaire, pmbl., art. 9, available at http://confinder.richmond.edu/admin/docs/local_algeria.pdf.

[72] Qanuni Assassi Jumhurii Islamai Iran [The Const. of the Islamic Republic of Iran] 1358 [1989] pmbl., available at http://www.iranchamber.com/government/laws/constitution.php.

[73] Const. of the Islamic Republic of AFG. (2004), pmbl., available at http://www.law.yale.edu/rcw/rcw/jurisdictions/assc/afghanistan/Afghan_Const_Eng.doc.

[74] Terrorism, Crime, and Public Policy // Brian Forst. - American University,2009. – P. 87. 1990 essay in The Atlantic by Princeton University Professor Bernard Lewis, the concluding section of which was entitled "A Clash of Civilizations»

приказывает что-то, что противоречит божественному закону, не только нет обязанности следовать приказу, но и есть долг неповиновения; «не подчиняйся созданию, восставшему против своего Создателя».

Всеобщая исламская декларация прав человека также признает право на революцию: «Каждый человек и каждый народ имеет неотъемлемое право на свободу... и имеет право бороться всеми доступными средствами против любого нарушения или отмены этого права, и у каждого угнетенного индивида или народа есть законное право на поддержке других лиц и/или народов в такой борьбе»[75].

Конституционные акты, которые принимались после арабской весны, подчеркивают, что суверенитет принадлежит исключительно народу, и что он должен реализовывать и защищать свой суверенитет, признают легитимность революции в борьбе за свободу, достоинство, восстановление прав.

Право на восстание отражено также в Африканской хартии прав человека и народа: «Угнетенные народы должны иметь право освободиться от уз господства, прибегая к любым средствам, признанным международным сообществом». Комментаторы полагают, что это право может быть реализовано при соблюдении следующих условий: 1) существующее угнетение; 2) существенные нарушения верховенства права (серьезные или массовые нарушения прав человека); 3) чрезвычайный характер угнетения; 4) отсутствие свободно данного народом согласия на притеснения и 5) обращение к революции допустимо лишь в случае недейственности имеющихся правовых средств[76].

Подводя политико-правовые итоги, мы можем сказать, что *право на сопротивление угнетению присутствует в самых разных политических традициях, в разные исторические эпохи.* Объединяет все существующие концепции идея, согласно которой данное право предусматривает определенную *оценку деятельности правительства с точки зрения некого внешнего стандарта*, и таким образом выступает *конечным ограничением на поведение правительства*. И когда правительство осуществляет власть в покрове легитимного потенциального сопротивления со стороны народа, оно, предположительно, ведет себя *более умеренно,* чем если бы такого ограничения не было.

2. Право на сопротивление угнетению и восстание как естественное право, его конституционное закрепление и идейное обоснование

Как уже отмечалось, наиболее ярко естественный характер права на

[75] Universal Islamic Declaration on Human Rights, 21 DHUL QAIDAH 1401, art. 2 (Sept. 19, 1981), available at http://www.alhewar. com/ISLAMDECL.html.
[76] См.: Fatsah Ouguergouz, The African Charter on Human and Peoples' Rights 263–66 (2003).

сопротивление угнетению и восстание раскрыт в Декларации независимости США 1776 г., а также в ст. 2 Французской декларации прав человека и гражданина 1789 г. Ст. 33 Французской декларации 1793 г. тонко именует сопротивление угнетению следствием, вытекающим из прочих прав человека.

Кардинал Любомир Гузар подчеркивает, что «существуют такие ситуации, когда вооруженное сопротивление является разрешенным. Когда власть использует излишнюю силу, народ имеет право обороняться с оружием. Каждый из нас имеет право обороняться... Сила нашего народа — в миролюбии. Власть бьет, но нет, за что бить. Власть, которая бьет лишь за то, что кого-то не любит, показывает тем свою немощь»[77]. При этом Любомир Гузар выступил против закрепления подобной нормы в Конституции Украины, отметив: «Не нужно этого прописывать в конституциях — это есть закон природы. Я имею право защищать себя и своих ближних. Как каждый человек. И имею право отвечать такими средствами, которыми на меня нападают. За оружие можно браться, когда оружие обращено против тебя»[78].

Как указывают некоторые исследователи, «вряд ли можно ожидать от суверенных государств предоставления своим подданным права на отделение или на сопротивление, как нечто само собой разумеющегося». Тем не менее, как ни парадоксально, иногда государства именно так и поступают[79].

Ряд специалистов отмечают неприемлемость включения права на сопротивление или права на восстание непосредственно в текст конституционных актов. Аргумент достаточно очевидный: подобная позитивация противоречит самой сути права на сопротивление. «Право на сопротивление оказывается зафиксированным в статуте, хотя его природа – вне любого статута, происходит регулирование тех вещей, которые не подлежат регуляции. Как свобода усмотрения не может находиться под управлением, так и сопротивление несправедливости публичной власти не может регулироваться той самой публичной властью»[80]. По мнению А. Кауфмана, правовая система не может институционализировать контроль над собой, который осуществляется вне этой системы.

В данном вопросе нам гораздо ближе точка зрения, согласно которой «присутствие в той или иной конституции права народа на восстание почти неопровержимо доказывает ее принадлежность гражданскому обществу, а не государству, ибо лишь общественности принадлежит моральное право

---

[77] Гузар Л. Право на повстання – то є закон природи [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.umoloda.kiev.ua/number/2395/180/85201/

[78] Гузар Л. Право на повстання – то є закон природи [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.umoloda.kiev.ua/number/2395/180/85201/

[79] Tony Honoré, The Right to Rebel, 8 Oxford J. Legal Stud. 34, 46 (1988). P. 42.

[80] Kaufmann Arthur. Small Scale Right to Resist. – New England Law Review. – 1985-1986. – Vol. 21:3. – P. 573.

противопоставить хаос восстания обеспечиваемому государством политическому, экономическому и культурному порядку»[81].

Подобное закрепление является весьма желательным и по другим причинам. Так, включение данного права в конституционный текст, перефразируя высказывание известного советского диссидента А. Подрабинека, очень полезно для всех тиранов: это правило надо непременно изучать им перед принятием присяги[82]. Более того, с учетом отечественного опыта, полагаем, вполне оправданно внести оговорку о праве на восстание непосредственно в текст присяги Президента Украины.

В Конституции Украины неявное признание данного права следует, во-первых, из ст. 3 и ч. 3 ст. 5, в соответствии с которыми *государство отвечает перед человеком за свою деятельность, а утверждение и обеспечение прав и свобод человека является его главной обязанностью, народ* имеет *исключительное право* определять и изменять конституционный строй в Украине и это право *не может быть узурпировано* государством, его органами или должностными лицами. Во-вторых, в этом случае важное значение имеет ст. 55 Основного Закона нашей страны, согласно которой к*аждый имеет право любыми не запрещенными законом средствами защищать свои права и свободы от нарушений и противоправных посягательств».*

Можно привести примеры других государств. Так, ч. 4 ст. 20 Конституции Германии (от 23 мая 1949 г.) гласит: «Все немцы имеют право оказывать сопротивление всякому, кто попытается устранить этот строй, если иные средства не могут быть использованы».

В целом, еще более века назад всего 5 процентов всех конституций мира включали в свой текст право на сопротивление. Во второй половине XX века право на сопротивление получает более широкое распространение в конституционных текстах, и в 1980-х говорят о примерно 10 процентах. Сегодня конституции с закрепленным в них правом на сопротивление угнетению составляет около 20 процентов и число их постепенно растет. Так, в апреле 2012 года одной из стран, закрепивших на конституционном уровне право оказывать сопротивление, стала Венгрия.

Даже в странах, в конституциях которых нет положений о праве на революцию, право на революцию существует как неписаный закон, потому что оно считается

[81] Речицький В.В. Політична активність. Конституційні аспекти. – Київ: Сфера, 1999. – С. 130.
[82] Подрабинек А. Право на восстание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://grani.ru/opinion/podrabinek/m.223958.html

«одним из столпов западной цивилизации»[83]. Так что с точки зрения естественного права, конституционный текст на самом деле не может рассматриваться как действительный источник права на сопротивление.

Кроме того, следует принять во внимание тот факт, что согласно ч. 1 ст. 22 Конституции Украины перечень изложенных в ней конституционных прав *не является исчерпывающим*. Поэтому соответствующее конституционное закрепление следует рассматривать *лишь как подтверждение* того, что существует безотносительно факта формализации в тексте Основного Закона[84].

Почему государство идет на конституционное закрепление права на сопротивление? Этому феномену предлагают два объяснения.

Так, закрепление такого права как доказательство стремления нации к демократическому управлению. То есть государство само идет на то, чтобы закрепить признание им возможности быть сверженным в случае отклонения от признанных обществом ценностей. Публичная власть тем самым четко сигнализирует о своей готовности соблюдать Конституцию, а значит – дополнительно обеспечивает свою легитимность. Логика такова: «мы, народ» уже сейчас приняли решение (время 1), что мы хотим правительство, которое уважает наши права. Но «мы, народ» также знаем, что у правительства может возникнуть соблазн нарушить права по прошествии некоторого времени (время 2)[85]. Именно по этой причине мы написали конституцию, которая ставит определенные ценности вне пределов обычной политики.

Кроме того, включение права на сопротивление в конституционный текст может служить цели легитимизировать пост-фактум произошедшую смену власти недемократическим способом. Так было, например, с Конституцией Кубы после прихода к власти Ф. Батисты в результате переворота в 1933 г.

Обзор отдельных конституционных положений государств (*см. Приложение 1*), которые включили в свои Основные Законы положения о праве народа на сопротивление угнетению со стороны государства и даже на восстание, свидетельствует о том, что абсолютный приоритет за первым из приведенных объяснений.

---

[83] Arthur Kaufmann, Small Scale Right to Resist, 21 NEW ENG. L. REV. 571, 573 (1986).
[84] Ginsburg T., Lansberg-Rodriguez D., Versteeg M. When to Overthrow Your Government: The Right to Resist in the World's Constitutions // Virginia Public Law and Legal Theory Research Paper. – 2012. – № 406. – P. 9.
[85] Ginsburg T., Lansberg-Rodriguez D., Versteeg M. When to Overthrow Your Government: The Right to Resist in the World's Constitutions // Virginia Public Law and Legal Theory Research Paper. – 2012. – № 406. – P. 10

Приложение 1

Конституция Бенина (принята 2 декабря 1990 г.)

Преамбула

МЫ, НАРОД БЕНИНА, … Вновь подтверждаем наше абсолютное сопротивление всякому политическому режиму, основанному на беззаконии, диктатуре, несправедливости, коррупции, взяточничестве, регионализме, непотизме, изъятию власти и личной власти

<…>

Конституция Демократической Республики Восточный Тимор (от 20 мая 2002 г.)

Статья 28. Право на неисполнение и самозащиту

1. Каждый гражданин имеет право на неповиновение и неисполнение незаконных приказов и приказов, затрагивающих их основные права, свободы и гарантии.

2. Право на самозащиту гарантируется всем в соответствии с законом.

<…>

Конституция Гватемалы (1956 г.)

Статья 73. Законы и распоряжения, правительственные или иного рода, регулирующие порядок осуществления прав, которые гарантирует настоящая Конституция, считаются недействительными, если они ограничивают, уменьшают или искажают эти права.

Сопротивление, оказываемое с целью защиты прав, перечисленных в настоящей Главе, является законным.

<…>

Конституция Гвинеи-Бисау (принята 16 мая 1984 г.)

Статья 18

1. Республика Гвинея-Бисау устанавливает и развивает отношения с другими странами на основе Международного права, принципов национальной независимости, равенства между Государствами, невмешательства во внутренние дела, взаимных преимуществ, мирного сосуществования и неприсоединения.

2. Республика Гвинея-Бисау защищает право народов на самоопределение и независимость, поддерживает борьбу народов против колониализма, империализма, расизма и всех других форм угнетения и эксплуатации; выступает за мирное решение международных конфликтов и прилагает старания для обеспечения мира и справедливости в отношениях между Государством и учреждением нового международного

экономического порядка.

<…>

Основной Закон для Федеративной Республики Германия (от 23 мая 1949 г.)

Статья 20

(1) Федеративная Республика Германия является демократическим и социальным федеративным государством.

(2) Вся государственная власть исходит от народа. Она осуществляется народом путем выборов и голосований и через посредство специальных органов законодательства, исполнительной власти и правосудия.

(3) Законодательство связано конституционным строем, исполнительная власть и правосудие – законом и правом.

(4) Если иные средства не могут быть использованы, все немцы имеют право на сопротивление любому, кто предпринимает попытку устранить этот строй.

<…>

Конституция Греции (вступила в силу 11 июня 1975 г.)

Статья 120

1. Настоящая Конституция, принятая Пятым Ревизионным Парламентом эллинов, подписывается его председателем, публикуется временным Президентом Республики в Правительственной газете путем издания декрета, скрепленного Советом министров, и вступает в силу с 11 июня 1975 года.

2. Уважение Конституции и сопровождающих ее законов и преданность Родине и демократии являются основной обязанностью всех греков.

3. Узурпация каким бы то ни было путем народного суверенитета и проистекающей из него власти преследуется немедленно по восстановлении законной власти; с этого же момента начинается срок давности за это преступление.

4. Соблюдение Конституции вверяется патриотизму греков, правом и обязанностью которых является оказание всеми средствами сопротивления любой попытке отменить ее насильственным путем.

<…>

Конституция Литвы (принята 25 октября 1992 г.)

Статья 3

Никто не может ущемлять или ограничивать суверенитет Народа,

присваивать суверенную волю, принадлежащую всему Народу. Народ и каждый гражданин вправе оказывать противодействие любому, кто насильственным путем посягает на независимость, территориальную целостность, конституционный строй Литовского государства.

<…>

Конституция Перу (принята 29 декабря 1993 г.)

Статья 46

Никто не обязан подчиняться узурпаторскому правительству или любому лицу, которое занимает государственную должность с нарушением Конституции и закона.

Гражданское население имеет право восставать в защиту конституционного порядка. Действия лиц, которые узурпировали государственную должность, являются юридически недействительными.

<…>

Конституция Португальской Республики (от 2 апреля 1976 г.)

Статья 21. Право на сопротивление

Каждый пользуется правом оказывать сопротивление любому приказу, который наносит ущерб его правам и свободам и их гарантиям, а также применять силу для отпора любой агрессии, если невозможно обратиться к представителям власти.

<…>

Конституция Франции (24 июня 1793 г.)

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

33. Сопротивление угнетению есть следствие, вытекающее из прочих прав человека.

34. Угнетение хотя бы одного только члена общества есть тем самым угнетение всего общественного союза. Угнетение всего общественного союза есть тем самым угнетение каждого члена в отдельности.

35. Когда правительство нарушает права народа, восстание для народа и для каждой его части есть его священнейшее право и неотложнейшая обязанность.

<…>

Конституция Демократической Республики Конго (18 февраля 2006 г.)

3. ОБ ОРГАНИЗАЦИИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ВЛАСТИ

Новые институты Демократической Республики Конго:
– Президент Республики;

– Парламент;

– Правительство;

– Суды и трибуналы.

Главные заботы, которые доминируют в организации данных институтов:

– обеспечение гармоничного функционирования государственных институтов;

– избегание конфликтов;

– учреждение правового государства;

– сопротивление всякой попытке диктаторского управления;

– гарантирование правильного управления;

– борьба с беззаконностью;

– обеспечение демократического чередования.

<…>

Конституция Словацкой Республики (от 1 сентября 1992 г.)

Статья 32

Граждане имеют право оказывать сопротивление каждому, кто посягает на демократический порядок осуществления основных прав и свобод человека, предусмотренных настоящей Конституцией, если деятельность конституционных органов и действенное использование средств, предусмотренных законом, оказываются невозможными.

<…>

Конституция Королевства Таиланд (24 августа 2007 г.)

Статья 69

Человек должен иметь право мирно противостоять действиям, направленным на приобретение власти в стране средствами, которые не соответствуют способам, предусмотренным в этой Конституции.

<…>

Конституция Республики Чад (принята 31 марта 1996 г.)

Преамбула

Поэтому мы, народ Чада:

- подтверждаем настоящей Конституцией свое желание жить вместе уважать представителей различных этносов, вероисповеданий, регионов и культур; построить правовое государство и единую нацию, основанную на принципах уважения гражданских свобод и фундаментальных прав человека, человеческого достоинства и политического плюрализма, на африканских ценностях солидарности и братства;

- повторно подтверждаем наше согласие с принципами прав человека, определенных в Хартии ООН 1945 года, Универсальной декларацией прав человека от 1948 года, Африканской Хартий прав Человека и Нации от 1981 года;

- Торжественно провозглашаем о нашем праве и обязанности противостоять и не повиноваться каждому лицу, государству, захватившему власть силой или с нарушением норм данной Конституции.

- Подтверждаем свое полное неприятие любому политическому режиму, основанному на произволе, диктатуре, несправедливости, коррупции, взяточничестве, семейственности, клановом, племенном и концессионном строе и силовом захвате власти;

<…>

Конституция Чешской Республики (от 16 декабря 1992 г.)

Статья 23

Граждане имеют право оказывать сопротивление каждому, кто посягает на демократический порядок осуществления прав человека и основных свобод, установленный Хартией, если деятельность конституционных органов и действенное использование средств, предусмотренных законом, оказываются невозможными.

<…>

Конституция Эстонской Республики (принята на референдуме 28 июня 1992 года)

Статья 54

Долг гражданина Эстонии – быть верным конституционному строю и защищать независимость Эстонии. Каждый гражданин Эстонии имеет право, за отсутствием иных средств, оказывать попыткам насильственного изменения конституционного строя сопротивление по собственной инициативе.

Идейное обоснование естественного права на восстание

Э. Витале указывает, что стандарт права на сопротивление «скандален в его бытии», но он *имеет естественную основу в фундаментальных идеях конституционализма,* так как гарантия такого права «реализуется через ограничение политической власти, является инструментом разделения и баланса полномочий и

функций государства»[86]. Такие ограничения заключаются в обязанности власти не нарушать конституционный строй и не посягать на права граждан, уважать человеческое достоинство, а право на сопротивление идейно увязано с правом на правомерное бездействие (воздержание от нарушений) государственной власти в этой сфере. Таким образом, можно исходить из того, что *этому праву предшествует фундаментальная обязанность государственной власти вести себя правомерно,* то есть *воздерживаться от нарушений конституционных принципов.*

Основная цель признания данного права может быть сведена к *защите и обеспечению прав человека.* Такой вывод подтверждается преамбулой Всеобщей декларации прав человека 1948 г.: «… необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения».

Т. Оноре подчеркивает: когда государство *систематически нарушает свои фундаментальные обязательства,* у субъекта возникает *право разорвать свою связь с государством* (но не связь с согражданами) и в этом случае государство теряет право определять законность использования субъектом насилия. Ибо этот субъект и другие субъекты, которые как члены общества имеют право и решают к нему присоединиться, более не являются участниками совместного проекта с государством и его представителями. Моральные барьеры не прибегать к насилию в отношении их исчезли. Поэтому мятежники более не ограничены правилом прибегать к насилию только лишь в ответ на незаконное применение силы к ним со стороны государства. Для них любая государственная сила становится незаконной. Они вправе рассматривать государственные силовые структуры как силы противника и могут использовать против них любые средства защиты, контратаки и упреждающего удара, соблюдая лишь те ограничения, которые обязаны соблюдать государства в войнах друг с другом[87].

В современном государстве *монополия на насилие,* представляющая основу любой государственности, *ограничена концепцией естественного права.* Это значит, что правом является вовсе не любой экзерсис законодателя: закон не может нарушать естественные права человека и расходиться с представлением общества о справедливости, основанным на этой мысли. Такое ограничение вытекает, в частности, из того факта, что в рамках представительной демократии законодатель не

---

[86] Ermanno Vitale. Costituzione e ius resistendi // Quaderno di storia contemporanea. – 2010. – F. 47 – P. 11-30. Цит. по: Бабин Б. В. Право на сопротивление как глобальное право [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-notabene.ru/lr/article_817.html#1

[87] Цит. по: Гольдфарб А. Легитимность мятежа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://grani.ru/blogs/free/entries/198337.html

является источником власти, но лишь представителем власти народа. *Ограничение прав граждан* фактически является *актом узурпации, антиконституционным переворотом.* Именно поэтому концепция естественного права, то есть, по сути, — концепция первичности естественных прав граждан по отношению к праву государства на насилие, и предполагает право на восстание, прямо сформулированное в документах эпохи просвещения, выдвинувших идею естественного права и суверенитета нации[88].

Власть имеет хоть какое-то моральное право требовать от граждан исполнения законов только в том случае, если она сама следует им. Но как только власть начинает нарушать закон и топтаться по нему ногами, с этого момента она теряет всякое моральное право требовать от граждан исполнения закона[89]. Следует согласиться с тем, что вследствие нарушения общественного договора исчезает содержание, вложенное народом в государство при осуществлении учредительной власти: общественная полезность публичной власти выветривается сквозь трещины в ее строении, а правовой механизм превращается в адскую машину для пыток, эксплуатации и порабощения целого народа[90].

Иными словами, право на восстание — это не призыв и не лозунг, а термин, описывающий определенную ***правовую коллизию.*** Суть ее в том, что *государство, природа которого заключена в монополии на насилие, нарушая естественное право, перестает в представлении граждан быть легитимным,* а, соответственно, *перестает быть законным и насилие, к которому оно прибегает*[91].

Важная теоретическая проблема состоит в том, *что представляет собой сопротивление* – ***право или обязанность***. Основания для ее постановки дает Декларация независимости США, согласно которой народ не только имеет право, но и обязан свергнуть правительство, допустившее целый ряд злоупотреблений и узурпаций, а также Французская декларация прав человека и гражданина 1793 г., которая заявляет: «Когда правительство нарушает права народа, восстание для народа и для каждой его части есть его святейшее право и неотложнейшая обязанность».

По нашему мнению, в данном случае речь идет, вероятно, не о юридической, а о *моральной обязанности (моральном долге).* Образно говоря, это –

---

[88] Рогов К. Монополия на насилие и право на восстание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.novayagazeta.ru/columns/61949.html

[89] Юров А. Восстание – право или обязанность? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravda.com.ua/rus/columns/2014/02/17/7014094/?attempt=1

[90] Северин О. Jus resistendi (Право на спротив) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://constituanta.blogspot.com/2013/01/jus-resistendi.html

[91] Рогов К. Монополия на насилие и право на восстание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.novayagazeta.ru/columns/61949.html

обязанность гражданина, если он действительно гражданин, а не просто подданный[92]. Ведь в противном случае, доводя ситуацию до абсурда, возникнет вопрос о юридических санкциях к тем, кто не участвует в восстании. Уклонение от сопротивления способствует укреплению режима угнетения и тирании, а значит, делает обязанность сопротивляться морально оправданной.

Следующий принципиальный вопрос связан с уяснением ***субъекта права на сопротивление.*** Можно предположить три возможных варианта ответа: *человек, гражданин или народ.*

Мы полагаем, что право на сопротивление угнетению и восстание является *правом индивида;* носителем данного права не может выступать коллектив (народ), определение воли которого в данном случае представляло бы значительные сложности. Такой вывод следует, прежде всего, из Всеобщей декларации прав человека 1948 г., которая акцентирует внимание именно на человеке, который вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения – в случае нарушения его прав.

В то же время, исходя из принципа разумности, можно предположить, что эффективная реализация индивидом своего права возможна только при наличии коллектива людей, разделяющих данные убеждения и объединивших свои усилия по оказанию сопротивления и организации восстания. Однако данный коллектив не имеет четких темпоральных и количественных параметров: индивиды присоединяются к нему и выходят из его состава в разное время, его численность может достаточно существенно изменяться в зависимости от разных обстоятельств.

Такое право следует трактовать как *право человека, а не гражданина,* поскольку объектом тирании и угнетения со стороны определенного государства может выступать любое физическое лицо независимо от его гражданства; его права (причем речь идет не только о политических, но и о гражданских, а также социальных правах) систематически и грубо нарушаются именно данным государством – в таком случае факт наличия или отсутствия постоянной политико-правовой связи с тем или иным государством не имеет принципиального значения. В ряде случаев на основании принципа солидарности к защите прав от угнетения могут присоединиться и иные лица.

В данном контексте следует также установить ***адресата данного права.*** На наш взгляд, адресатом права на сопротивление выступает *публичная власть* (представленная государственной властью и властью местного самоуправления). При этом важно подчеркнуть, что речь идет не о любой власти, а только о власти

[92] Юров А. Восстание – право или обязанность? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravda.com.ua/rus/columns/2014/02/17/7014094/?attempt=1

недемократической – тиранической, угнетающей.

Оксфордский политический словарь определяет тиранию как узурпированную власть, при которой ее обладатель правит ради своих собственных интересов, как сверх-использование принудительной власти государства при отсутствии верховенства права, как диктатуру, произвол и террор[93]. В свою очередь энциклопедия политической мысли характеризует тиранию как способ управления на основе принуждения и произвола, несовместимый с политической свободой, конституционным правлением и принципом верховенства права[94].

В таком случае становится объяснимой характеристика данного права ***как чрезвычайного, как крайнего средства (ultima ratio),*** к которому прибегают при невозможности эффективно защитить свои права с помощью иных, правовых механизмов, работающих в условиях демократического режима. Среди *демократических альтернатив* права на восстание – выборы и референдум как формы непосредственного народовластия, парламент, судебная и правоохранительная система – как институты представительной демократии.

Именно поэтому общее избирательное право образно характеризуют как мирную избирательную урну, заменившую собой ружье повстанца, а закон о референдуме — как умеренный аналог права народа на демократическое восстание[95]. Однако если власть не хочет отвечать перед избирателем и перед судебным истцом, то она рискует в конце концов ответить перед повстанцем. Ведь недействующий закон и отсутствие правосудия – это и есть прямое подстрекательство к восстанию. В данном случае имеет место своего рода ***системный дефолт власти*** – никакие иные методы воздействия на нее попросту не действуют[96]. Гангрену не вылечить лавандовой водой и жизнь на грани тления может быть преобразована лишь насильственными действиями[97].

Как отмечает В. Речицкий, «это право означает, что народ может перевернуть все «вверх дном», установить другой порядок, выбрать новую (лучшую) власть и начать все с чистого листа. И это конституционная норма!»[98].

По нашему мнению, право на сопротивление и восстание следует рассматривать как ***конституционный эквивалент права на необходимую оборону.*** Как известно, с

---

[93] Короткий оксфордський політичний словник / За ред. І. Макліна і А. Макмілана; пер. з англ. – К.: Основи, 2006. – С. 688.
[94] Енциклопедія політичної думки; пер. з англ. – К.: Дух і літера, 2000. – С. 108.
[95] Речицкий В. Закон о референдуме предоставляет украинцам право на восстание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://delo.ua/opinions/zakon-o-referendume-predostavljaet-ukraincam-pravo-na-vosstanie-208268/
[96] Северин О. Jus resistendi (Право на спротив) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://constituanta.blogspot.com/2013/01/jus-resistendi.html
[97] Гегель. Политические произведения. – М.: Наука, 1978. – С. 152.
[98] Речицкий В. Закон о референдуме предоставляет украинцам право на восстание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://delo.ua/opinions/zakon-o-referendume-predostavljaet-ukraincam-pravo-na-vosstanie-2

объективной стороны, для ситуации необходимой обороны характерно нападение на правовое благо, противоправность и наличность такого нападения. Оборонительные действия обусловлены вторжением в правовые интересы нападавшего, а также необходимостью вмешательства для отражения нападения, а также отсутствием социально этических ограничений (например, вопиющего несоответствия защищаемого и ущемляемого интереса). Заметим, что в праве Германии право на необходимую оборону характеризуют как *чрезвычайное право,* поскольку подобные права обеспечивают лицу защиту правовых благ *в условиях отсутствия помощи от государства*[99].

В этой связи вполне объяснимо, что надлежащим механизмом реализации права на восстание выступают сами люди (народ). В его реализации нельзя полагаться на суд, который как независимый и справедливый инструмент обычно становится одной первых жертв недемократического режима (единственным исключением здесь мог бы выступать суд присяжных, однако в условиях тирании таковой институт обычно отсутствует де-юре или де-факто). Поэтому не удивительно, что право на восстание, по образному выражению, *обращено непосредственно «к самим людям»*[100]. Ученые в последние годы подчеркивают, что не суды, которые преимущественно толкуют и применяют конституцию, а внесудебные механизмы, подчиненные «гласу народа», выступают конечным источником ограничения государственной власти. В этом случае нередко используется такое образное сравнение. В «Одиссее» Гомера Улисс привязывает себя к мачте корабля веревками, что позволяет ему услышать пение сирен при снижении возможной опасности для себя и для своей команды, если их неземные голоса сведут с ума. В конституционной сфере судебная система, как правило, рассматривается как веревки, которые привязывают публичную власть к данным ранее обязательствам. Но если и эти веревки рвутся, в конечном счете, сами люди осуществляют эту функцию, когда выходят на улицу для борьбы с тиранической властью.

Кроме того, в ряде случаев действия восставших могут дополнительно квалифицироваться как ***конституционная крайняя необходимость:*** в данном случае речь идет о нанесении лицам, не причастным к угнетению, определенного ущерба вследствие захвата зданий, осмотра машин, изъятия либо использования материальных ценностей, блокировки воинских частей и т.д.

Непонимание ситуации невозможности решить проблему традиционными демократическими инструментам, соединенное с осуждением насилия, нередко

[99] Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть; пер. с нем. – 5-е изд. – М.: Инфотропик Медиа, 2013. – С. 244-245.
[100] Larry D. Kramer, The People Themselves: Popular Constitutionalism and Judicial Review 248 (2004).

© Погребняк С.П., Уварова Е.А.

характерно для тех, кто имеет статус «стороннего наблюдателя», находится вне событий, не ощущает соответствующую атмосферу. Например, в контексте последних событий в Украине один из российских философов подчеркивает: «Никакое чувство морального превосходства над коррумпированным режимом не требовало за год до очевидно провальных для этого режима выборов кидать бутылки с зажигательной смесью в представителей правопорядка.... Никакая, прости Господи, евроинтеграция никуда не уплывала навсегда от ее преданных сторонников. Чем же объяснялся этот всплеск насилия?»[101]. В качестве подходящего рецепта российские юристы предлагали следующее: «Проводим честные выборы. Принимаем в качестве лидера того, кому доверяет большинство. Ограничиваем этого лидера рамками закона. И живем до следующих выборов»[102]. Произошедшее они характеризовали как катастрофу права и насилие[103].

В этой связи следует отметить, что для непосредственных участников действительная катастрофа права произошла раньше, до применения насилия. В данном случае имели место *чрезвычайные реанимационные действия,* призванные *спасти право как таковое*, не имевшее реальных шансов дожить до следующих демократических выборов. И поскольку настоящая Конституция охраняет права народа и гражданского общества, то она разрешает полную отмену больного правопорядка с целью замены его «хаосом народного восстания»[104]. Через беспорядок – к порядку!

Иными словами, право на сопротивление может включать в себя действия, которые, при нормальных обстоятельствах, рассматривались бы как незаконные. В этом смысле, оно является своего рода ***«правом поступать неправильно»*** («right to do wrong»)[105]. Тут возможна аналогия с законом справедливой войны, согласно которому действия, которые обычно рассматривались как уголовно наказуемые, считаются оправданными, поскольку служат высшей цели. Презюмируется, что если право на сопротивление реализуется должным образом, на государстве лежит обязанность не репрессировать тех, кто его осуществляет. В противном случае виновные лица со стороны государства должны быть привлечены к уголовной ответственности, на национальном или международном уровне.

Таким образом, реализация права на сопротивление и восстание представляет собой вынужденный временный выход из традиционного правового поля,

[101] Межуев Б. Это горькое слово — легитимность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://izvestia.ru/news/567303
[102] Зорькин В. Цивилизация права [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2014/03/12/zorkin.html
[103] Зорькин В. Цивилизация права [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2014/03/12/zorkin.html
[104] Речицкий В. Закон о референдуме предоставляет украинцам право на восстание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://delo.ua/opinions/zakon-o-referendume-predostavljaet-ukraincam-pravo-na-vosstanie-208268/
[105] Jeremy Waldron, Liberal Rights: Collected Papers 1981–1991, at 63 (1993).

© Погребняк С.П., Уварова Е.А.

обусловленный чрезвычайными обстоятельствами и необходимостью сохранения самого смысла правового пространства. В данном случае имеет место ситуация ***конституционного форс-мажора***, приостанавливающая действие привычных правовых процедур, рассчитанных на функционирование в нормальных условиях. Любая правовая технология (в тиранической или демократической версии) помочь в этой ситуации не может. Вполне естественно, отмечает Б. Капустин, что любая революция «переворачивает» государственный строй и не может осуществляться в соответствии с имеющейся Конституцией[106].

Необходимо подчеркнуть, что в данном случае также происходит ***очевидный разрыв по линии «легитимность-легальность».*** Например, отстраненный в результате восстания Президент формально рассматривается как утративший легитимность, но до определенного момента именно он – легальный глава государства. В такой ситуации «блогеры разных политических ориентаций предпочитают на все лады хохотать над *юридической фикцией президента*, который по закону, конечно, таковым остается, но, что называется, *тем хуже для закона»*[107].

По нашему мнению, два обязательных признака (***цель*** – защита и обеспечение прав человека, а также ***адресат права*** – тираническая, угнетающая публичная власть) ***отличают восстание*** как правомерные действия ***от противоправного мятежа.*** Напомним, что согласно п. 2 с) ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основополагающих свобод (1950 г.) лишение жизни не рассматривается как нарушение данной статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа.

Подобное отличие между восстанием и мятежом можно вывести благодаря сравнению преамбулы Всеобщей декларации прав человека и преамбулы Конвенции. Последняя провозглашает приверженность стран-членов Совета Европы всеобщему пониманию и соблюдению прав человека, а также стремление к подлинно демократическому политическому режиму. Интересно, что украинский перевод п. 2 с) ст. 2 Конвенции использует термины «заворушення» и «повстання». На наш взгляд, более удачным является русскоязычный вариант, который использует термины «мятеж» (Конвенция) и «восстание» (Всеобщая декларация прав человека). Английский текст также дает основания для подобного разграничения: «insurrection» (Конвенция) и «rebellion» (Декларация). Поэтому вместо термина «повстання» в Конвенции уместней было бы использовать термин «заколот».

Следует также обратить внимание на то, что право на восстание нередко

---

[106] Капустин Б. «Промедленьями спас государство» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://izvestia.ru/news/567264

[107] Межуев Б. Это горькое слово — легитимность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://izvestia.ru/news/567303

характеризуют как ***общий принцип права,*** который обусловлен «неотъемлемым правом народа изгонять своих правителей, изменять свое государственное устройство, или осуществлять радикальные реформы в системе государственного управления путем насилия или всеобщего восстания в ситуации, когда легальные и конституционные способы осуществления таких изменений оказались недостаточными или настолько затруднительными, что стали недоступными»[108].

Отдельные исследователи подтверждение признания за правом на восстание статуса общего принципа права видят во включении упоминания права на восстание в преамбулу Всеобщей декларации прав человека. Сама формулировка и расположение в преамбуле, а не в статьях Декларации, указывает на то, что данное право сформулировано не как классическое право. В связи с этим есть даже теория, что право на восстание это что-то близкое к праву на демократию или праву на самоопределение.

Первоначальный комментарий к Всеобщей декларации прав человека описывает право на революцию в качестве инструмента, «с помощью которого люди могут основать правительство в соответствии со справедливостью, если фундаментальные принципы справедливости и основные права человека нарушаются в такой способ, который не дает никакой возможности обратиться к мирным средствам»[109].

Особый характер права на сопротивление, приближающий его к принципам, исследователи видят и в *структуре этого права.* К примеру, проф. Т. Гинзбург говорит о том, что именно структура отличает право на сопротивление от других прав-требований (по классификации Р. Алекси[110]). Такие права рассматриваются как обоснованные требования, поддерживаемые силой закона. Право является обоснованным требованием, включающим в себя возможность действовать определенным образом в интересах справедливости. Право на восстание или сопротивление имеет иную структуру.

Оно предполагает, что есть *некий внешний стандарт*, по которому можно судить о поведении правителей, стандарт, который не включен в позитивное право. Он может рассматриваться скорее как некий принцип или основываться на соображениях «конституционного порядка». Иначе говоря, право на сопротивление не является определенным требованием, оно не навязывает то или иное предметное ограничение на правителей непосредственно. Оно выступает в качестве запасного

---

[108] Black's Law Dictionary, 9th ed. Bryan A. Garner, ed. — St. Paul: «West Group», 2009. 1439 (9th ed. 2009).

[109] The Grounds of an International Declaration of Human Rights, in Human Rights: Comments and Interpretations 258, 264 (UNESCO ed., 1949). Cf. SAUL, supra note 5, at 83 (arguing that this recognition in the UDHR does not imply that a right of rebellion exists).

[110] Robert Alexy, A Theory of Constitutional Rights (Julian Rivers trans., Oxford Univ. Press 2002) (1985); Алексі Р. Існування прав людини. – Право України. – 2011. – № 8.

условия, подстраховывающего реализацию других фундаментальных прав. И как по этому поводу отметил Т. Цацос, также подчеркивая особый характер права на сопротивление: вопрос о существовании права на сопротивление может быть поставлен в очень ограниченный период времени – либо непосредственно во время его реализации, то есть когда сопротивление уже осуществляется, либо после свержения режима, против которого оно поднялось». Правда, сегодня можно к этому добавить и возможность поставить такой вопрос и в ситуации, когда сопротивление не достигло своей цели. Участники сопротивления, даже если оно осуществлялось в форме восстания, не должны привлекаться к ответственности, если не нарушили пределов реализации данного права.

Кроме того, используя известную классификацию субъективных прав Н. Хохфельда, право на сопротивление угнетению можно относить не к правам-требованиям (поскольку в данном случае отсутствует коррелят требования – обязанность других субъектов – и индивид не наделяется правом просить другого субъекта что-то дать, сделать что-то или не сделать), а к ***свободам или привилегиям.*** Так, свобода признает возможность правообладателя вести себя по своему желанию в рамках нерегламентируемого поля (свобода слова). Если эта свобода является исключением из общего запрета, то она называется привилегией (например, свобода нанесения ущерба в целях самообороны). Коррелятом свободы и привилегии является отсутствие прав, противоречащих данной свободе правообладателя; правовые отношения и регламенты в данном случае просто отсутствуют[111].

3. Право на восстание как норма международного права

Кроме неоднократно упоминавшейся преамбулы к Всеобщей декларации прав человека 1948 г., целесообразно обратиться к международному прецедентному праву в части признания права на революцию. В этом смысле следует упомянуть так называемое дело Тиноко. События имели место в Коста-Рике в период 1917-1919 г.г. Федерика Тиноко сверг правительство президента Альфредо Гонсалеса и принял новую конституцию; за время его нахождения у власти было заключено несколько соглашений с британскими компаниями. В 1919 г. Тиноко подал в отставку и находился в изгнании в Европе. Несколько лет спустя, в 1922 году, восстановленное правительство приняло законы, которыми признавало ничтожными все действия Тиноко, в том числе соглашения с британскими компаниями. Великобритания передала это дело в арбитраж, который постановил следующее (арбитр В. Тафт, решение от 18 октября 1923 г.):

«… изменения правительства или внутренней политики государства по общему

[111] Хук ван М. Право как коммуникация; пер. с англ. – СПб.: Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. – С. 136-137.

© Погребняк С.П., Уварова Е.А.

правилу не влияют на его положение в международном праве; несмотря на изменения правительства, нация не перестает существовать, и ее права и обязанности сохраняются. Государство связано обязательствами правительства, прекратившего существование; восстановленное правительство обычно отвечает за акты узурпатора. Иностранные державы имеют дело с правительством de facto, когда оно является устойчивым и действует с согласия населения. … Тиноко управлял страной в условиях мира и отсутствия сопротивления (за исключением периода в течение нескольких месяцев перед его свержением), соответственно, его правительство являлось фактически существующим суверенным правительством. Некоторые государства не признали режим Тиноко. Непризнание правительства обычно является надлежащим доказательством отсутствия независимости и контроля, требуемых в соответствии с международным правом. Однако когда непризнание правительства вызвано сомнениями в его легитимности, соответствующая доказательственная сила непризнания утрачивается. Великобритания, несмотря на непризнание правительства Тиноко, тем не менее, может рассматривать его правительство de facto, способное создавать права для британских субъектов».

Руководствуясь такой аргументацией, арбитр не согласился с тезисом, в соответствии с которым нормы международного права требуют, чтобы правительство de facto было создано в соответствии с конституцией. Арбитр пришел к выводу, что предварительное исчерпание внутренних средств защиты в данном случае не обязательно[112].

Почему данный вывод важен в контексте рассматриваемого права на восстание? По сути, был сделан вывод, что нет такого понятия как «незаконная революция». И из этого выведен один из пяти основных аргументов международного права в поддержку существования права на революцию: если международное право признает результат революции в виде революционного правительства, основываясь на непрерывности государственности, то оно обязано признать средства, ведущие к этому результату[113].

Второй аргумент: право на революцию находится в неразрывной связи с вопросом о легитимности нового правительства с точки зрения общепризнанных стандартов полномочности в области международного права.

Третье: право на самоопределение подразумевает право на революцию, поскольку включает в себя право наций на выбор своего международного политического статуса.

Четвертая группа аргументов рассматривает право на революцию как одно из

[112] Толстых В. Л. Курс международного права. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – С. 382.
[113] Krystyna Marek, Identity and Continuity of States in Public International Law 56 (2d ed. 1968).

наиболее важных прав, которые следуют из государственного суверенитета и государственной независимости.

Пятая группа аргументов связана с развитием инициативы ООН «Обязанность защищать» (R2P). Идея этой концепции в том, что суверенитет является не привилегией, а обязанностью: суверенитет не только предоставляет государствам право контролировать свои внутренние дела, но также налагает ответственность по защите людей, проживающих в пределах границ этих государств. Если государство не справляется с этой задачей, ответственность переходит к международному сообществу. Частью этой концепции стало признание права на революцию: если мир в целом ответственен за принятие своевременных и решительных мер для предотвращения и прекращения массовых злодеяний, когда государство явно не в состоянии защитить свое население, это еще сильнее указывает на то, что народ государства может принять меры для такой защиты в виде революции. При этом применение силы основывается на принципе пропорциональности: сила применяется после того, как другие (мирные) меры оказались неэффективными, для защиты от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности.

Подробное описание подобных преступлений можно найти в Римском статуте. Согласно ст. 5 юрисдикция Суда ограничивается самыми серьезными преступлениями, вызывающими озабоченность всего международного сообщества. К таким преступлениям отнесены: a) преступление геноцида; b) преступления против человечности; c) военные преступления; d) преступление агрессии. Так, в ст. 7 Римского статута раскрыто, что считать «*преступлением против человечности*»: любое из следующих деяний, когда они совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, и если такое нападение совершается сознательно: a) *убийство*; b) истребление; c) порабощение; d) депортация или насильственное перемещение населения; e) *заключение в тюрьму или другое жестокое лишение физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права*; f) *пытки*; g) изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация или любые другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести; h) *преследование любой идентифицируемой группы или общности по политическим,* расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным или другим *мотивам*, которые повсеместно признаны недопустимыми согласно международному праву, в связи с любыми деяниями, указанными в данном пункте, или любыми преступлениями, подпадающими под юрисдикцию Суда; i) *насильственное исчезновение людей*; j) преступление

апартеида; k) другие бесчеловечные деяния аналогичного характера, заключающиеся в умышленном причинении сильных страданий или серьезных телесных повреждений или серьезного ущерба психическому или физическому здоровью.

В этом контексте следует упомянуть еще один аргумент: право на восстание выступает продолжением естественного права на самооборону. Самооборона в свою очередь используется для признания более широкого естественного права: права необходимости.

Есть два типа самообороны в международном праве. Один из них – это самозащита в международном публичном праве, другой – в международном уголовном праве. Что касается момента нападения в отношении допустимости его предотвращения, то различают два типа атак: реальные и упреждающие. Лишь право на отражение реальной атаки применимо ко всем случаям, независимо от того, имеет ли место атака в пределах государства (внутренняя атака) или против другого государства (международная атака). В то же время Устав ООН, как представляется, позволяет и упреждающую самооборону, хотя многие с этим не согласны. Хотя ведь именно в случае реальной атаки против другого государства, как правило, бывает слишком поздно для оборонительной реакции. Навязывание же статуса «сидящих уток» в случае надвигающейся военной атаки – насмешка над главной целью Устава ООН[114].

В контексте данного исследования нельзя не упомянуть и о таком феномене, как «*доктрина отрицания права на восстание*». Считается, что она наиболее четко заявлена в Декларации о правах и обязанностях отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы (Декларация о правозащитниках, принята резолюцией 53/144 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1998 г.). В тексте этого документа нет прямого отрицания права на восстание. Но поскольку главная цель Декларации – подтвердить права, уже защищенные законом, любой читатель вполне ожидаемо может предположить, что право на сопротивление не существует само по себе.

Статья 1 Декларации использует широкий подход к определению направлений деятельности по защите прав человека. Она в частности указывает, что «каждый человек имеет право, индивидуально и совместно с другими, поощрять и стремиться защищать и осуществлять права человека и основные свободы на национальном и международном уровнях..».

Однако уже статьи 12 и 13 предельно ясно показывают, несмотря на контекст и с даже учитывая «массовые, грубые или систематические нарушения, такие, как

[114] Myres S. McDougal, The Soviet-Cuban Quarantine and Self-Defense, 57 AM. J. INT'L L. 597, 601 (1963).

нарушения, являющиеся результатом апартеида, всех форм расовой дискриминации, колониализма, иностранного господства или оккупации, агрессии или угроз национальному суверенитету, национальному единству или территориальной целостности, а также результатом отказа признать право народов на самоопределение и право каждого народа на осуществление полного суверенитета над своими богатствами и природными ресурсами» (об этом говорится в преамбуле Декларации), если лицо или группа не использовали *исключительно мирные средства* для защиты прав человека, такое лицо или группа в последующем не могут считаться защитниками прав человека.

Статья 12 (ч. 1) указывает, что «каждый человек имеет право, индивидуально и совместно с другими, участвовать в мирной деятельности, направленной против нарушений прав человека и основных свобод». Получается, что ни одно действие, направленное на защиту прав человека, но не являющееся мирным, не может подпадать под защиту данной Декларации. Далее, статья 13 Декларации не упоминает о праве на получение и использование какой-либо иной поддержки для защиты прав человека, кроме мирных средств, независимо от контекста и обстоятельств: «Каждый имеет право, индивидуально и совместно с другими, запрашивать, получать и использовать ресурсы специально для целей поощрения и защиты прав человека и основных свобод мирными средствами».

Обзор заявлений некоторых ведущих сторонников Декларации показывает, что это не ошибка: действительно отдано предпочтение невключению или непризнанию права на сопротивление перед активным отрицанием. Одновременно с этим они признают, что часто имеет место чрезмерное и непропорциональное применение силы со стороны полиции или армии во время мирных демонстраций. Это в свою очередь вызывает бурную реакцию со стороны мирных протестующих, на что государство отвечает еще большим насилием со стороны полиции или армии, и это даже приводит к гибели и тяжелым увечьям. Более того, власти в некоторых странах используется тайный персонал, чтобы спровоцировать насилие со стороны мирных собраний, чтобы оправдать использование насильственных методов разгона собраний или арест людей. Специальный докладчик по делам правозащитников подчеркивает, что такое поведение со стороны государственных органов явно противоречит принципу ответственности государства, закрепленное в статьях 2 и 12 Декларации, и возлагает на государство ответственность за провокации (A/61/312, пункт 44)[115].

[115] Commentary to the Declaration on the Right and Responsibility of Individuals, Groups and Organs of Society to Promote and Protect Universally Recognized Human Rights and Fundamental Freedoms. – P. 25 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ohchr.org/Documents/Issues/Defenders/CommentarytoDeclarationondefendersJuly2011.pdf

В своих специальных докладах ООН, с одной стороны, отмечает, что нет никакого специального определения, кто является и кто может являться правозащитником, с другой стороны, выдвигается минимально необходимый стандарт, согласно которому исключительно мирные действия могут попасть под защиту Декларации. Провозглашается принцип ненасилия: насилие не может быть использовано для защиты или содействия правам человека, какими бы ни были обстоятельства[116]. И это несмотря на репрессивные условия, в рамках которых правозащитники часто действуют, или крайние последствия, с которыми они могут столкнуться.

Возникает вопрос: если бы все, кто борется за право на свободу от агрессии, геноцида, преступлений против человечности и других нарушений прав человека в нацистской Германии, действовали бы согласно этому стандарту, существовали бы сейчас вообще ООН или Всеобщая декларация прав человека, или и вовсе права человека в целом? Но если допустить, что это так, то значит право не может быть эффективным средством помощи тем, кто наиболее уязвим.

4. Критерии применимости права на восстание

Приходится констатировать, что даже в исследованиях в сфере международно-правовой проблематики, в которых признается право на восстание, практически отсутствует рассмотрение такого важного вопроса, как критерии допустимости применения революционной силы.

Убедительным, на наш взгляд, выглядит подход, при котором на основании исторических предпосылок формирования данного права и его развития как общего принципа международного права, называются ***следующие критерии[117]:***

(1) *Большинство граждан поддерживает применение силы*[118], или, по крайней мере, революционеры добросовестно и разумно исходят из веры в то, что большинство *согласилось бы с ними*, если бы знало о соответствующих обстоятельствах применения такой силы; «революция не начинается с того, что некая новая могущественная сила атакует государство. Она начинается с внезапного осознания почти всеми активными и пассивными участниками, что этого государства больше нет»[119];

(2) Применение силы должно быть последним средством (здесь опять можно

---

[116] International Service for Human Rights “Defending Human Rights Defenders: A Short Guide”.
[117] Aleksandar Marsavelski. The Crime of Terrorism and the Rights of Revolution in International Law // Connecticut Journal of Int’l Law. – Vol. 28. – № 241. – 2013. – P. 278-287.
[118] Jordan J. Paust. International Law, Dignity, Democracy, and the Arab Spring / Cornell International Law Journal. – 2013. – № 1. – P. 14.
[119] Pettee G. S. The Process of Revolution. – Howard Fertig, 1971.

вспомнить о Всеобщей декларации прав человека: если человек вынужден, он может прибегнуть, в качестве *последнего средства,* к восстанию против тирании и угнетения; сопротивление является ultimate ratio и должно быть пропорциональным – слова А. Кауфмана, ставшие классикой;

(3) Причиной применения силы должно быть *угнетение со стороны государства* в виде существенных нарушений конституции или фундаментальных прав человека; как говорит А. Кауфман, восстание возможно в случае грубого злоупотребления со стороны публичной власти; правительство должно однозначно проявить себя в качестве агрессора, посягающего на общее благо, основные права человека, незаконность его действий должна быть, так сказать, написана на его лице[120];

(4) Применение силы должно быть направлено *против деспотического (угнетающего) правительства, а не против гражданских лиц.*

Первое условие получило название ***принципа демократии***, основанного на идее народного суверенитета. В современном международном праве действительно важно, чтобы государством называлась не метафизическая абстракция, а суверенный народ, который может самостоятельно определять свою политическую судьбу. Право на восстание – право, которое реализуется большинством или от его имени против угнетающего меньшинства. После его свержения должны быть обеспечены создание легитимного правительства, возможность политического самоопределения и реализации прав человека для всех членов общества[121].

Принцип демократии включает в себя два элемента: (а) *гражданство* и (б) *поддержка большинства.* Требование гражданства следует из мысли, что только народ как сторона общественного договора в определенном государстве может реагировать на притеснения со стороны правительства. Тем не менее, в прошлом было много примеров участия в революционном движении иностранцев (например, французские добровольцы во время американской революции). В наше время, гуманитарная интервенция играет аналогичную роль. Если применить правило, известное еще с римской правовой доктрины *nemo plus iuris ad alium transferre potest quam ipse habet* (никто не может передать другому большее право, чем он сам имеет), применение силы иностранцами будет законным в субсидиарном порядке и только тогда, когда сами граждане сами имели право на подобные действия и разделяли идеи восстания.

В то же время, слепая настойчивость только в отношении фактической

[120] Kaufmann Arthur. Small Scale Right to Resist. – New England Law Review. – 1985-1986. – Vol. 21:3. – P. 574.
[121] Jordan J. Paust. International Law, Dignity, Democracy, and the Arab Spring / Cornell International Law Journal. – 2013. – № 1. – P. 14.

поддержки со стороны большинства иногда приводит к той же несправедливости, для сопротивления которой признается право на восстание. Хрестоматийным здесь может быть пример с нацистским режимом в Германии: большинство населения под влиянием нацистской пропаганды действительно поддерживало режим. А значит, первое условие для реализации права на восстание не соблюдается. Однако если мы гипотетически допустим, что в нацистской Германии было бы реализовано такое право, то в качестве обоснования соответствия первому условию можно было бы указывать на следующее: революционеры исходили из добросовестного и разумного убеждения в том, что большинство поддержало бы их революционное применение силы, если бы были проинформировано о соответствующих обстоятельствах, в действительности имевших место.

Второе требование объединяет в себе ***принцип пропорциональности*** и ***принцип субсидиарности.*** Согласно последнему если есть более мягкий способ свергнуть деспотическое (угнетающее) правительство, он должно применяться в первую очередь. Право на революцию должно быть обусловлено исчерпанием ненасильственных средств, например, конституционных методов, мирных протестов, гражданского неповиновения, пассивного сопротивления и т.д.

При этом важно, чтобы такие альтернативные средства были не формальными; они должны быть эффективными. Например, в феврале 2012 года президент Асад организовал конституционный референдум для сирийского народа. Его результаты предусматривали внесение изменений в Конституцию Сирии, направленных на отмену однопартийной диктатуры. Однако заработать такие изменения должны были, начиная с ближайших очередных выборов, то есть через два года. Это было явной попыткой обмануть сирийский народ и международное сообщество, хотя действительных демократических намерений у Асада не было.

В принципе, право на революцию не может быть использовано в по-настоящему демократической политической системе, потому что существуют свободные выборы, чтобы сменить правительство. Тем не менее, даже в проблемных демократиях можно представить себе ситуацию, при которой мандат правительству предоставлен на слишком долгий период, чтобы ждать новых выборов для смены правительства, которое стало репрессивным. Кроме того, учитывая развитие ответственности за защиту, возможность обращения за международной помощью также должна быть приняты во внимание. В целях обеспечения защиты населения, международное сообщество может использовать соответствующие дипломатические, гуманитарные и другие мирные средства в соответствии с Уставом ООН. Тем не менее, их неэффективность во многих случаях доказывает, что использование революционной силы будет оставаться незаменимым механизмом «до тех пор, пока международное

сообщество не отыщет средств для эффективного обеспечения соблюдения основных прав человека во всем мире».

В этой части можно провести аналогию с правом нации на самоопределение в форме отделения (в целом, природа этих двух прав имеет определенное сходство). В международном праве считается общеизвестным постулат о том, что право нации на самоопределение может быть реализовано в форме отделения и создания нового независимого государства лишь в двух случаях: (1) в ситуации пост-колониального государства (как указывают: имеет место иго и эксплуатация иностранного государства), (2) в ситуации, когда имеют место повторяющиеся в течение длительного периода факты серьезных нарушений прав представителей национального меньшинства, вплоть до физического уничтожения. Во всех других случаях право нации на самоопределение должно реализовываться в других формах, не претендующих на отделение от государства. Этого требует необходимость соблюдения государственного суверенитета и территориальной целостности государств, стабильности международных отношений. В Уставе Организации Объединенных Наций и в декларациях, принятых в 1960-х и 1970-х годах, право на самоопределение было закреплено для того, чтобы создать правовую основу для самоопределения колонизированных народов. Во всех других случаях право нации на самоопределение реализуется внутри государства, в котором такая нация проживает. И лишь при чрезвычайных обстоятельствах может приобретать форму отделения и создания нового независимого государства[122].

На одной из конференций, организованной в свое время ЮНЕСКО, прозвучал следующий тезис: «.. если государство и сменявшие в нем друг друга правительства неоднократно и в течение длительного периода угнетали нацию, нарушили права человека и основные свободы, исключали представителей национального меньшинства из процесса принятия решений, особенно по вопросам, затрагивающим благосостояние и безопасность людей, подавляли культуру, религию, язык и другие атрибуты личности, ценные для представителей нацменьшинства, и если другие средства достижения достаточной степени самоуправления были опробованы и достичь прогресса не удалось, то вопрос об отделении может быть поставлен как средство для восстановления основных прав и свобод и поощрения благосостояния народа. Это право может рассматриваться как аналог права на последнее прибежище в виде восстания против тирании и угнетения, упомянутое в преамбуле к Всеобщей

[122] «The Right of Peoples to Self-determination and to Permanent Sovereignty over their Natural Resources seen from a Human Rights Perspective» (Право народов на самоопределение и неотъемлемый суверенитет над своими природными ресурсами с точки зрения прав человека)

© Погребняк С.П., Уварова Е.А.

декларации прав человека»[123].

Принцип пропорциональности должен приниматься во внимание при определении содержания используемой силы. В практическом плане это означает, в первую очередь, что угнетатель не должен быть убит, если он может быть захвачен без каких-либо дополнительных рисков. Так, сирийские повстанцы задержали членов сил правительства, но *Human Rights Watch* сообщает об имевших место злоупотреблениях, совершаемых в отношении захваченных лиц, в том числе пыток и казней[124].

Третье условие называют ***принципом справедливой причины.*** Артур Кауфман сказал, что «суть справедливости заключается в сопротивлении против несправедливости»[125]. Причина революции справедлива тогда, когда угнетение заключается либо в существенных нарушениях конституции, или же основных прав человека, или и первого, и второго. Международное право не компетентно давать оценку нарушениям отечественных конституций, которые не нарушают одновременно с этим международное право.

Но что представляет собой существенное нарушение? Как правило, это означает, что угнетение должно быть непрерывным, постоянным. Единичный акт насилия в отношении народа – недостаточная причина для революции, но, безусловно, достаточная для мирного сопротивления, и лишь если мирный протест неэффективен – для восстания. Но в то же время, исследователи права на восстание указывают: нельзя отрицать возможности того, что даже одно единичное действие правительства может причинить настолько существенный ущерб народу, что само по себе будет служить оправданием революционного применения силы. В любом случае, применение силы против правительства допустимо в случаях геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений, поскольку в этих случаях даже на международное сообщество возлагается ответственность за защиту. Как только период угнетения заканчивается – не временно, а на постоянной основе – реализация права на восстание должна прекратиться, и все формы возмездия должны быть запрещены. Это означает, что убийство Муаммара Каддафи после того, как его режим уже был свергнут, является наглядным примером убийства как преступления.

Последнее требование названо ***принципом различия (или дифференциации).*** Оно означает, что применение силы должно быть направлено на людей, находящихся у власти, чтобы остановить притеснение, а также на людей, которые реализуют

---

[123] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unpo.org/downloads/THE%20IMPLEMENTATION%20OF%20THE%20RIGHT%20TO%20SELF.pdf

[124] Syria: Armed Opposition Groups Committing Abuses, HUMAN RIGHTS WATCH, Mar. 20, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrw.org/news/2012/ 03/20/syria-armed-opposition-groups-committing-abuses.

[125] Kaufmann Arthur. Small Scale Right to Resist. – New England Law Review. – 1985-1986. – Vol. 21:3. – P. 571.

угнетение, как правило, это полиция либо армия. Другими словами, во времена угнетения, народ имеет право, в качестве крайней меры, на применение силы против представителей политической и военной власти на всех уровнях, от обычного полицейского или солдата до главы государства.

Международное право определяет пределы в части методов и средств насилия, типов поведения по отношению к людям, которые учитываются при рассмотрении оправданности восстания или революции, а также правильности постреволюционных процессов. Легитимность восстания или революции не предполагает использование определенных тактик или поведения, которые абсолютно запрещены международным правом.

В отличие от аналогичных положений законов и обычаев войны, жертвы среди гражданского населения абсолютно недопустимы. Правило отсутствия жертв среди гражданского населения также является особенностью, отличающей право на революцию от необходимой обороны, которая иногда приводит к невинным жертвам (например, в случае выстрела во злоумышленника в целях самообороны, однако пуля попадает в невинную жертву, стоящую за ним). Революционная сила может быть направлена только на лиц, которые активно участвуют в действиях репрессивного режима. В истории развития этого права не было никаких исключений из него. Если бы оно допускало возможность жертв среди гражданского населения в преследовании революционных целей и совершении революционных актов, это бы означало, что допускается терроризм, поскольку, как справедливо заметил Майкл Уолцер, «хаотичность является принципиальной особенностью террористической деятельности»[126]. Алжирские революционеры осквернили свою борьбу за свободу в 1950-е годы тем, что убивали французов наугад (например, бомбить молочные бары, где французские подростки пили и танцевали). Или другой пример. Можно было бы бросить бомбу, чтобы убить Гитлера, и это было бы оправдано в рамках права на революцию, но не в том случае, если бомба убьет мирных жителей, находящихся рядом с ним. В этом случае убийца должен был бы ждать другой возможности для выполнения атаки или использовать другое оружие, чтобы избежать убийства гражданских лиц.

В марте 2012 года сирийские повстанцы убили двух высших военных чинов сирийской армии. Сирийское государственное агентство новостей сообщило об этой атаке, сказав, что «четыре террориста за рулем автомобиля открыли огонь по двум

[126] Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. Basic Books, 2006. – P. 197.

армейским полковникам, в то время как они направлялись на свою работу»[127]. По оценкам экспертов, работающих с доктриной права на восстание, нельзя представить себе более совершенный пример применения силы в рамках права на революцию. Не было угрозы мирным жителям, было лишь применение силы к представителям власти. С другой стороны, Human Rights Watch указывают на поступление информации о том, что сирийские повстанцы также совершают похищения и казни гражданских лиц, что уже является очевидной террористической деятельностью, и соответствующие факты должны быть расследованы и осуждены. После этой революции Сирия столкнется с постконфликтным переходным периодом, и крайне важно для мира и примирения избежать присвоения коллективной вины и привлечь к ответственности тех конкретных лиц, виновных в совершенных преступлениях[128].

И эта мысль на самом деле перекликается с более глубокой и глобальной мыслью Ханны Арендт о том, что послевоенная Германия стала «квинтэссенцией моральной неразберихи, где те, кто лично ни в чем замешан не был, уверяли сами себя и весь мир в том, сколь глубоко их чувство вины, в то время как лишь немногие из настоящих преступников были готовы хотя бы к малейшему покаянию.. Результатом этого спонтанного признания коллективной вины стало крайне успешное (хотя и ненамеренное) обеление всех, кто действительно совершил что-то; … там, где виноваты все, не виноват никто»[129]. «Аргумент, к которому прибегали все обвиняемые на послевоенных процессах: если бы я отказался это делать, это сделал бы кто-нибудь другой… Но разве это означает, что они не могут нести личной ответственности?»[130]. И наконец, «услышав ответ: «Это сделал не я, а система, в которой я был лишь винтиком», суд немедленно задаст следующий вопрос: «А почему, с вашего позволения, вы стали этим винтиком или продолжили им быть при таких обстоятельствах?» Если обвиняемый захочет переложить вину, ему придется вовлекать других лиц, называть имена и, возможно, эти люди окажутся рядом с ним на скамье подсудимых»[131].

Есть также сильные, условно говоря, утилитарные аргументы в пользу принципа различия. Если допускаются жертвы среди гражданского населения, то это снижает шансы на итоговый успех в свержении режима, так как люди не будут оказывать поддержку тем, кто ответственен за убийство мирных жителей, к ним будут

---

[127] Anne Barnard, Syrian Rebels Continue Assassination Campaign, Killing 2 Military Officials, N.Y. TIMES, Mar. 29, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nytimes.com/2012/03/30/world/middleeast/aleppo-syria-attackers-kill-two-officers.html

[128] Aleksandar Marsavelski. The Crime of Terrorism and the Rights of Revolution in International Law // Connecticut Journal of Int'l Law. – Vol. 28. – № 241. – 2013. – P. 285.

[129] Арендт Х. Ответственность и суждение; пер. с англ. – М.: Изд. Института Гайдара, 2013. – С. 59.

[130] Арендт Х. Ответственность и суждение; пер. с англ. – М.: Изд. Института Гайдара, 2013. – С. 61.

[131] Арендт Х. Ответственность и суждение; пер. с англ. – М.: Изд. Института Гайдара, 2013. – С. 63.

относиться как к террористам. Кроме того, революционеры, которые готовы использовать терроризм в качестве средства борьбы с угнетателями, вероятно, и сами станут угнетателями, как только захватят власть. Многие марксистские революции потерпели неудачу, прежде всего, потому что они были слишком угнетающими (режим красных кхмеров Пол Пота в Камбодже, «красный террор» в Эфиопии, режим Чаушеску в Румынии и т.д.).

Артур Кауфман упоминает об еще одном требовании, заслуживающем нашего внимания. Он утверждает, что должна также присутствовать *разумная надежда на успех революции,* потому что «сопротивление, которое изначально совершенно безнадежно и поэтому бессмысленно, не является легитимным». Обращение к этому критерию, как представляется, – неверно. Обоснованность (оправдание) революции не может быть поставлено в зависимость от успеха реализации этого права или от субъективного восприятия этого успеха. В работах, посвященных праву на восстание, авторы, вступающие в дискуссию с таким тезисом А. Кауфмана, приводят такой пример. Представьте себе пять вооруженных людей, которые атакуют одного человека с целью его похищения. У похищаемого есть пистолет с единственной пулей, и он стреляет в одного из них. Никто не может отрицать его право действовать в порядке самообороны, несмотря на то, что не существует никакой разумной надежды, что он добьется успеха в предотвращении их нападения. Возможно, на первый взгляд, утилитарный подход предполагает, что его поступок был нелегитимным, поскольку как бы впустую был лишен жизни один человек, хотя стрелявший все равно будет похищен в любом случае. Но такая точка зрения не является правильной, ведь убивая пускай и одного из похитителей, похищаемый повышает свои шансы избежать похищения, пусть и незначительно. То же самое можно сказать и о начале безнадежной революции. Скажем, в Сирии президент Асад не захотел уходить в отставку, и в настоящее время его силы гораздо существеннее, чем силы групп, борющихся с его режимом. И отдельные лица могут говорить о том, что было неразумно даже начинать такую революцию. Но если бы ее не начали, то угнетение могло бы продолжаться еще много десятилетий. Успех продолжающейся сирийской революции уже в том, что Асад утратил доверие в глазах международного сообщества, и теперь ему грозит большое давление, что повышает шансы на получение свободы сирийским народом в будущем.

С критикой подобного требования о необходимости наличия альтернативной программы развития у тех, кто совершает революцию, для того, чтобы она могла претендовать на легитимность, выступает, к примеру, проф. Том Гинсбург (Университет Чикаго). Он говорит о том, что реализация данного права имеет в своем основании критику действующего режима. Однако это не является основанием

для ссылок (в том числе со стороны того же действующего режима) на то, что у восставших нет конкретных планов работы после свержения правительства. Единственное основание, как уже было сказано, - нарушения со стороны власти, достигшие высокого уровня. Это должен быть уровень злоупотребления, который не оставляет альтернативного пути, кроме как сопротивление; нормальные формы народовластия должны быть недоступны или неэффективны[132].

Еще один, не имеющий отношения к вопросу о легитимности и допустимости реализации права на революцию вопрос, который, тем не менее, практически всегда ставится: должно ли правительство, пришедшее к власти в результате революции, быть лучше свергнутых предшественников? Безусловно, всегда есть опасность того, что новый режим будет менее или более репрессивным, чем ему предшествующий: красные кхмеры в результате революции в Камбодже создали в 1975 году самый кровавый режим в современной истории Азии; иранская революция 1979 года заменила одного диктатора (Шах Реза Пехлеви) на другого (аятолла Хомейни), и самый свежий пример – революция в Ливии 2011 года, которая свергла деспотический режим полковника Каддафи, но люди по-прежнему живут в страхе перед насилием со стороны власти. Тем не менее, требование о том, что революция признается легитимной только при условии, что новый режим устраняет угнетение и является демократическим, неадекватно, ведь в этом случае определяется постфактум, было ли оправдано совершение революционных актов. Борцы за освобождение восстают против угнетения, это и есть их главная мотивация. А потому строить планы в отношении будущего режима может оказаться слишком далекой перспективой для них. Кроме того, нельзя судить об успехе нового правительства сразу после революции. Часто должны пройти года, чтобы дать надлежащую оценку итогов революции. По образному выражению Г. Пети, «революционеры выступают на сцену не верхом на коне, не как победившие заговорщики на форуме, а как испуганные дети, обследующие пустой дом и при этом не уверенные, что он пуст»[133]. Тот факт, что революционеры, как только они получают власть, устанавливают такой же или даже более угнетающий режим по сравнению с тем, с которым боролись, не делает революцию нелегитимной. Ответственность они будут нести лишь за последовавшие после нее притеснения и нарушения.

И если применить давно известную аналогию, сравнивающую государство с живым организмом, то революция напоминает нам медицинскую операцию, общее

[132] Ginsburg T., Lansberg-Rodriguez D., Versteeg M. When to Overthrow Your Government: The Right to Resist in the World's Constitutions // Virginia Public Law and Legal Theory Research Paper. – 2012. – № 406. – P. 9.
[133] Pettee G. S. The Process of Revolution. – Howard Fertig, 1971.

самочувствие во время и сразу после которой обычно еще хуже, чем было перед операцией. А узнать, есть ли эффект от операции и не допустил ли врач ошибку, можно лишь спустя определенное время.

Итак, право на революцию *не является абсолютным правом,* но имеет свои *пределы,* как, собственно, и практически любое другое право. Эти пределы очерчены четырьмя принципами: *(1) принцип демократии, (2) принцип пропорциональности, (3) принцип справедливой причины, и (4) принцип различия.*

Использованные источники:

1. Аквинский Фома. О правлении государей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unavoce.ru/library/aquinas_ruling.html

2. Алексі Р. Існування прав людини // Право України. – 2011. – № 8.

3. Арендт Х. О революции. – М.: Европа, 2011.

4. Арендт Х. Ответственность и суждение; пер. с англ. – М.: Изд. Института Гайдара, 2013.

5. Бабин Б. В. Право на сопротивление как глобальное право [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-notabene.ru/lr/article_817.html#1

6. Васильев Л.С. Древний Китай. Т. I: Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н. э.). - М.: Вост. лит., 1995.

7. Ваттель Э. Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов; пер. с фр. – М.: Госюриздат, 1960.

8. Гегель. Политические произведения. – М.: Наука, 1978.

9. Гоббс Т. Соч. в 2-х т. – М.: Мысль, 1991. – Т. 2.

10. Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт, с изд. 1956 г. – М.: Ладомир, 1994.

11. Гольдфарб А. Легитимность мятежа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://grani.ru/blogs/free/entries/198337.html

12. Гузар Л. Право на повстання – то є закон природи [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.umoloda.kiev.ua/number/2395/180/85201/

13. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. – М.: Типография Сытина, 1908.

14. Енциклопедія політичної думки; пер. з англ. – К.: Дух і літера, 2000.

15. Зорькин В. Цивилизация права [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2014/03/12/zorkin.html

16. Капустин Б. «Промедленьями спас государство» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://izvestia.ru/news/567264

17. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»); пер. с кит. — М.: Вост. лит., 2004.

© Погребняк С.П., Уварова Е.А.

18. Короткий оксфордський політичний словник / За ред. І. Макліна і А. Макмілана; пер. з англ. – К.: Основи, 2006.

19. Локк Дж. Соч. в 3-х т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 2.

20. Люшер Ф. Конституционная защита прав и свобод личности. – М.: Издат. группа «Прогресс»-«Универс», 1993.

21. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 13.

22. Межуев Б. Это горькое слово — легитимность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://izvestia.ru/news/567303

23. Монтескье Ш.-Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян; пер. с фр. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2002.

24. Моска Г. История политических доктрин; пер. с итал. – М.: Мысль, 2012.

25. Орлик Пилип. Вивід прав України [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://spilka.uaweb.org/library/doc_orlyk.html

26. Петрушевский Д. М. Великая Хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII века. – М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1915.

27. Подрабинек А. Право на восстание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://grani.ru/opinion/podrabinek/m.223958.html

28. Прушенова Е.Ц. Конфуцианский вариант демократии в философии Мэн-Цзы // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона-III: материалы международной научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов (15 апреля 2011 г.) – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2011.

29. Речицкий В. Закон о референдуме предоставляет украинцам право на восстание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://delo.ua/opinions/zakon-o-referendume-predostavljaet-ukraincam-pravo-na-vosstanie-208268/

30. Речицький В. В. Політична активність. Конституційні аспекти. – К.: Сфера, 1999.

31. Рогов К. Монополия на насилие и право на восстание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.novayagazeta.ru/columns/61949.html

32. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М.: Наука, 1969.

33. Северин О. Jus resistendi (Право на спротив) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://constituanta.blogspot.com/2013/01/jus-resistendi.html

34. Толстых В. Л. Курс международного права. – М.: Волтерс Клувер, 2010.

35. Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть; пер. с нем. – 5-е изд. – М.: Инфотропик Медиа, 2013.

© Погребняк С.П., Уварова Е.А.

36. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 267.

37. Хук ван М. Право как коммуникация; пер. с англ. – СПб.: Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012.

38. Цицерон Марк Туллий. О старости. О дружбе. Об обязанностях; пер. с лат. – М.: Наука, 1975.

39. Ченовет Е. Чому ненасильницький спротив ефективний: стратегічна логіка громадянського конфлікту / Е. Ченовет, М. Дж. Стефан; пер. з англ. – К.: ТОВ «Видавництво «КЛІО», 2014.

40. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М.: Аспект Пресс, 1999.

41. Юров А. Восстание – право или обязанность? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravda.com.ua/rus/columns/2014/02/17/7014094/?attempt=1

42. Abraham Lincoln, First Inaugural Address (March 4, 1861), in Lincoln's Stories and Speeches 212 (Edward F. Allen ed., 1900).

43. Abraham Lincoln, Resolutions in Behalf of Hungarian Freedom, in The Collected Works of Abraham Lincoln, Vol. II, 115 (Roy P. Basler ed., 1953).

44. Aleksandar Marsavelski. The Crime of Terrorism and the Rights of Revolution in International Law // Connecticut Journal of Int'l Law. – Vol. 28. – № 241. – 2013.

45. Anne Barnard, Syrian Rebels Continue Assassination Campaign, Killing 2 Military Officials, N.Y. TIMES, Mar. 29, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nytimes.com/2012/03/30/world/middleeast/aleppo-syria-attackers-kill-two-officers.html

46. Antony Black, The History of Islamic Political Thought 27 (2d ed. 2001).

47. Black's Law Dictionary, 9th ed. Bryan A. Garner, ed. — St. Paul: «West Group», 2009. 1439 (9th ed. 2009).

48. Bruce Ackerman, Revolution on a Human Scale, 108 Yale L.J.2279 (1999).

49. Commentary to the Declaration on the Right and Responsibility of Individuals, Groups and Organs of Society to Promote and Protect Universally Recognized Human Rights and Fundamental Freedoms. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ohchr.org/Documents/Issues/Defenders/CommentarytoDeclarationondefendersJuly2011.pdf

50. Constitution de la Rèpublique Algèrienne Dèmocratique et Populaire, pmbl., art. 9, available at http://confinder.richmond.edu/admin/docs/local_algeria.pdf

51. Const. of the Islamic Republic of AFG. (2004), pmbl., available at http://www.law.yale.edu/rcw/rcw/jurisdictions/assc/ afghanistan/Afghan_Const_Eng.doc.

52. Cruse Harold. Rebellion or revolution? / by Harold Cruse; foreword by Cedric Johnson. — 1st University of Minnesota Press ed. p. cm.Originally published: New York: Morrow, 1968.

53. Dennis v. United States, 341 U.S. 494, 501 (1951).

54. Edward Rubin. Judicial Review and the Right to Resist // Vanderbilt University Law School Public Law and Legal Ermanno Vitale. Costituzione e ius resistendi // Quaderno di storia contemporanea. – 2010. – F. 47. Цит. по: Бабин Б. В. Право на сопротивление как глобальное право [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-notabene.ru/lr/article_817.html#1

55. Fatsah Ouguergouz, The African Charter on Human and Peoples' Rights 263–66 (2003).

56. Ginsburg T., Lansberg-Rodriguez D., Versteeg M. When to Overthrow Your Government: The Right to Resist in the World's Constitutions // Virginia Public Law and Legal Theory Research Paper. – 2012. – № 406.

57. Green Haywood Hackworth, Digest of International Law, Vol. 1, 177 (1940).

58. Hersch Lauterpacht. International Law and Human Rights. – London: Stevens and Sons Ltd, 1950. – P. 116.

59. International Service for Human Rights “Defending Human Rights Defenders: A Short Guide”.

60. Jeremy Bentham, A Fragment on Government 215 (F.C. Montague ed., photo. reprint 2001) (1891).

61. Jeremy Waldron, Liberal Rights: Collected Papers 1981–1991, at 63 (1993).

62. John of Salisbury, Policraticus 25 (Cary J. Nederman ed. & trans., 1990).

63. Jordan J. Paust. International Law, Dignity, Democracy, and the Arab Spring / Cornell International Law Journal. – 2013. – № 1.

64. Jordan J. Paust. The Human Right to Revolution, Human Rights in the World Community: Issues and Action 445, 447–48 (Richard Pierre Claude & Burns H. Weston eds., 3d ed. 2006).

65. Karl Kautsky, Terrorism and Communism: A Contribution to the Natural History of Revolution, ch. I (W. H. Kerridge trans., 1919), available at http://www.marxists.org/archive/kautsky/1919/terrcomm.

66. Kaufmann Arthur. Small Scale Right to Resist. – New England Law Review. – 1985-1986. – Vol. 21:3.

67. Krystyna Marek, Identity and Continuity of States in Public International Law 56 (2d ed. 1968).

68. Larry D. Kramer, The People Themselves: Popular Constitutionalism and Judicial Review 248 (2004).

69. Leon Trotsky, Dictatorship vs. Democracy (Terrorism and Communism): A Reply to Karl Kautsky 62 (1922).

70. Majid Khadduri, War and Peace in the Law of Islam, 13, 69 (2006).

71. Matthew Lippman. Nuremberg and American Justice. Notre Dame Journal of Law, Ethics & Public Policy. Volume 5. Issue 4 Symposium on Civil Disobedience. Article 4 2012.

72. Murphy Shannonbrooke. The right to resist reconsidered / In The Challenge of Human Rights: Past, Present and Future. Edited by David Keane, Lecturer in Law, Middlesex University, UK and Yvonne McDermott, Lecturer in Law, Bangor University, UK. – 2012.

73. Myres S. McDougal, The Soviet-Cuban Quarantine and Self-Defense, 57 AM. J. INT'L L. 597, 601 (1963).

74. Najam Haider, The Origins of the Shi'a: Identity, Ritual, and Sacred Space in Eighth-CEntury Kufa 17 (2011).

75. Pettee G. S. The Process of Revolution. – Howard Fertig, 1971.

76. Qanuni Assassi Jumhurii Islamai Iran [The Const. of the Islamic Republic of Iran] 1358 [1989] pmbl., available at http://www.iranchamber.com/government/laws/constitution.php.

77. Robert Alexy, A Theory of Constitutional Rights (Julian Rivers trans., Oxford Univ. Press 2002) (1985).

78. Syria: Armed Opposition Groups Committing Abuses, HUMAN RIGHTS WATCH, Mar. 20, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrw.org/news/2012/03/20/syria-armed-opposition-groups-committing-abuses.

79. Tacitus, The Annals 237 (William Francis Allen ed., Ginn & Co. 1899).

80. Terrorism, Crime, and Public Policy // Brian Forst. - American University,2009. – P. 87. 1990 essay in The Atlantic by Princeton University Professor Bernard Lewis.

81. The Grounds of an International Declaration of Human Rights, in Human Rights: Comments and Interpretations 258, 264 (UNESCO ed., 1949). Cf. SAUL.

82. Theodor Maunz, Günter Dürig et al., Grundgesetz: Kommentar, Band III (ART. 16–22), p. 338, Rn. 34 (Roman The Herzog et al. eds., 6th ed. 2011).

83. «The Right of Peoples to Self-determination and to Permanent Sovereignty over their Natural Resources seen from a Human Rights Perspective».

84. The Sea of Precious Virtues 120 (Julie Scott Mesiami ed. & trans. 1991).

85. Tony Honoré, The Right to Rebel, 8 Oxford J. Legal Stud. 34, 46 (1988).

86. Universal Islamic Declaration on Human Rights, 21 DHUL QAIDAH 1401, art. 2 (Sept. 19, 1981), available at http://www.alhewar. com/ISLAMDECL.html.

87. Waldo Cutler Peebles, Democratic Tendencies in the Spanish Literature of the Golden Age, 15 HISPANIA 317, 321 (1932).

88. Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. Basic Books, 2006.

У статті наведено загальнотеоретичну характеристику права на спротив пригніченню – від історії формування ідеї до надання їй статусу загального принципу права, визнання нормою міжнародного правопорядку й конституційного закріплення в національних правових системах. Проводиться розмежування понять «спротив пригніченню», «повстання» і «революція». При цьому право на повстання як насильницька форма спротиву розглядається в якості конституційного еквівалету права на необхідну оборону, крайнього засобу (ultima ratio), до якого звертаються у разі неможливості ефективно захистити свої права за допомогою інших, правових механізмів, що реалізуються в умовах демократичного режиму.

Обов'язковими ознаками, що відрізняють правомірне повстання від протиправного заколоту, авторами названо мету повстання, якою виступає захист і забезпечення прав людини, а також адресат права на повстання – тиранічна публічна влада.

Ключові слова: *право на спротив пригніченню, право на повстання, революція, суб'єкт права на спротив, адресат права на спротив, критерії застосовності права на повстання.*

В статье приведена общетеоретическая характеристика права на сопротивление угнетению – от истории формирования идеи до придания ей статуса общего принципа права, признания нормой международного правопорядка и конституционного закрепления в национальных правовых системах. Проводится разграничение понятий «сопротивление угнетению», «восстание» и «революция». При этом право на восстание как насильственная форма сопротивления рассматривается в качестве конституционного эквивалента права на необходимую оборону, крайнего средства (ultima ratio), к которому прибегают при невозможности эффективно защитить свои права с помощью иных, правовых механизмов, работающих в условиях демократического режима.

Обязательными признаками, отличающими правомерное восстание от противоправного мятежа, авторами названы цель восстания, которой выступает защита и обеспечение прав человека, а также адресат права на восстание – тираническая публичная власть.

Ключевые слова: *право на сопротивление угнетению, право на восстание,*

революция, субъект права на сопротивление, адресат права на сопротивление, критерии применимости права на восстание.

The article describes the general theoretical characterization of the right to resist against oppression – from genesis of concept to the status of a general principle of law, recognition in the international legal order and constitutional consolidation in national legal systems. The notions of "resistance against oppression", "rebellion" and "revolution" are differentiated. The right to rebellion as a violent form of resistance is regarded as the equivalent of a constitutional right to self-defense, a last resort (ultima ratio), resorted to when it is impossible to effectively protect the rights with legal mechanisms operating in a democratic regime.

The authors call mandatory features which distinguish lawful rebellion from unlawful insurrection. There are the goal of the rebellion that is the protection and promotion of human rights and the recipient of the right to rebellion that is tyrannical public authority.

Keywords: *right to resist oppression, right to rebellion, revolution, the subject of the right to resistance, the goal of the right to resistance, criteria for the applicability of the right to rebellion.*